

СМЕНА

№ 22 (900)

НОВЫЙ 1964

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СЕДЬМОЕ МОНТАЖНОЕ НЕБО

Новые стихи Р. Рождественского

А. Гладилин «Два года до весны»

ОТ МОЛЕКУЛ ДО ЗВЕЗД

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Год издания сорок первый
Выходит два раза в месяц

22

(900)

1964
НОЯБРЬ

ЧТОБЫ

«Дорогие друзья мира!

Вас сердечно приветствует дружный коллектив молодых ленинградцев. Нас всего трое: я, моя жена Лилия и наша дочка Маша.

Мы с женой часто стоим у детской кроватки нашей дочурки и подолгу смотрим, как она играет. Машенька совсем еще несмышленная, и любимое ее занятие — рвать листы из книжек и чертить по ним карандашами. Но один листок она очень любит и бережет. На нем нарисован голубь и большое красное солнце. Маша ласково гладит их своими ручонками и всегда улыбается.

Всем молодым папам и мамам, приехавшим со всех сторон в нашу гостеприимную столицу Москву на Всемирный форум солидарности молодежи и студентов, мы шлем горячий привет. Пусть солнце дружбы озаряет вам путь к Миру, Труду, Свободе, Равенству, Братству и счастью!

Мария, Лилия и Станислав
БРАТУХИНЫ

Это письмо в числе многих сотен подобных писем и телеграмм пришло в Москву сентябрьским днем, когда посланцы юности всей планеты

имел свою историю, свою культуру, свои песни.
Борьтся за то, чтобы руки человека сжали хлеб, держали штурвалы космических кораблей, баюкали детей, обнимали любящих и никогда не снимали прищипок винтовок и автоматов.

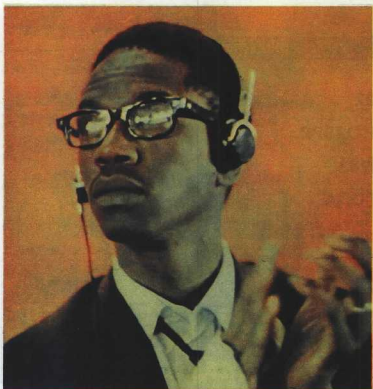
Самое сильное оружие в этой борьбе — единство. Всемирный форум солидарности молодежи и студентов является конкретным выражением сплоченности отрядов борцов против насилия, зла и войны, яркой манифестацией международной солидарности посланцев всех континентов. В могучем хоре делегатов ассамблеи юных со всей твердостью и последовательностью действий звучал голос Всемирной федерации демократической молодежи — организации, чей авторитет крепнет год от году.

10 ноября — день создания ВФДМ — юности и девушки отмечают Всемирный день молодежи. Порядок сегодня юности своей борьбы, юность планеты с гордостью говорит: да, умножились наши усилия в борьбе за национальную независимость и освобождение, за мир. Да, мы — великая сила, если наши руки, наши сердца, ум и воля едины. Да, мы активно способствуем крутому, революционному обновлению лица земли.

За революционное обновление лица земли решили бороться девятнадцать лет назад несколько сотен представителей молодого поколения планеты, которые 10 ноября 1945 года приняли в лондонском Альберт-холле решение о создании ВФДМ. Среди них был греческий поэт-коммунист Петрос Алтос, посвятивший этому событию поэму «Дети Земли». Сейчас вновь вспоминаются из нее глубокого смысла слова:

Удвинулись в то утро лондонцы,
Когда хмурые волны Атлантики
Высолами туманы
Из улиц осеннего города
И эхом из-за облака солнце,
Правда, бледное,
Без кровинки в лице,
Как выздоравливающий раненый.
А мы
Знали, как оно появилось,
Знали: мы отдали кровь
Для того, чтобы жило солнце!

Да, молодежь планеты продолжит борьбу за то, чтобы всегда и для всех жило солнце.

Посланец сенегальской молодежи Бабакар Н'диоме — заместитель генерального секретаря ВФДМ — был активным участником Всемирного форума молодежи и студентов.

ЖИТЬ СОЛНЦЕ!

определяли пути борьбы за лучшее будущее. И, выражая чаяния людей труда, юные борцы заявили в Декларации форума — манифесте молодого поколения 60-х годов: «Мы полны сил и решимости бороться со всеми врагами мира, свободы и человеческого достоинства».

Борьтся за то, чтобы империализм, колониализм, фашизм — эти диктаторы мира, свободы и человеческого достоинства — были известны будущим поколениям только из книг, лишь как мрачная история Земли.

Борьтся за то, чтобы атомно-водородный гриб никогда и нигде не угрожал людям.

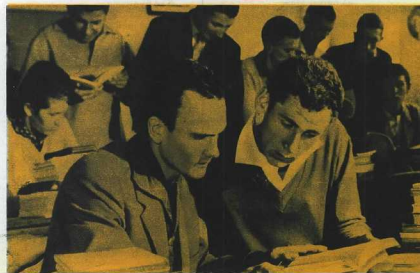
Борьтся за то, чтобы каждый народ был хозяином своей страны,

На снимках:

Наша сила — в единстве!

Крепнет боевая солидарность молодежи. Молодые ирландцы вышли на демонстрацию в поддержку революционной Кубы.

Тяга к знаниям — отличительная черта передовой молодежи. Окмал трех миллионов юных граждан социалистической Чехословакии овладевают знаниями в различных учебных заведениях страны.

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

22 НОЯБРЯ 1963 ГОДА

Все в память жестоко и чеканно,
Я выпускаю этот день
из рук...
Дождь над пустынным
каменным Чикаго.
Обычный дождь, негромкий дождь,
И в лифте всклипывает
нагританка, как будто почернела
от угаса!

И флаги под дождем забилась таяко,
И в лифте всклипывает
нагританка, как будто почернела
от угаса!

Над городами оторопь повисла.
И непер зацепился в проводах.
И дождь идет.
И хрипнут телевизоры.
Все сбивчиво.
Все странно.
Все не так...
Америка, послушай!
Вот не с кем-нибудь!
С тобой.
С тобою лично.
Слышишь ты!!
Из черной рамки просто смотрит Кеннеди.
В твои глаза.
Вот так.
Из тьмы тьмы.
Чего же ты отводишь взгляд,
Америка?
О чем бормочут дикторы твои?
Что объяснить они тебе намерены,
сверхоптимальные телесловы!!

Ах да, забыл:
ты ж к выстрелам привыкла.
Подумай, еще один стерпеть!
Подумай, тебе ль бояться выстрелов?
Подумай...
Подумай...
Врываюся, ликие и трубастья,
сирены полицейские в окно.
О, как твоа полиция опаздывает!
Как громкой! Как шикарной!
Как умно...
К нам в комнату вползает сумрак медленно.
Портрет к газетной полосе притерт...
Задумайся, задумайся, Америка!
В Чикаго ночь.
В Чикаго дождь идет.

В ТОМСКЕ — ЭКЗАМЕНЫ

Томск пылит.
Напрягается Томск.
В Томске за тридцать цепляется Цельсий.
В Томске жара и волнение толп.
Сессия в Томске! Сессия!
Так уж начертано волей судеб —
не принимало ничьих возражений:
если ты в Томске, ты или студент, или имеешь к тому отношение...
День от жары тяжело розоват.
Лица студентов мудры и сирепы.
И проступают сквозь пыльный асфальт формулы, графики и теоремы...
Идет студентка.
Прижала к сердцу конспекты чьи-то.
Дрожит нервно.
А в тех конспектах походы Ксеркса,
Тутанхамоны, Персы,
Нероны...
А вот — зубрила.
Его загнуло красной смородины жарче домы.
Его «Электроника» озарила.
Он весь в экстазе.
Он весь в истоме...
Томск помчался.
Озирается Томск.
Он все нахмуренной, все удрученной.
Неужто же выйдет какой-нибудь толк из этих очкариков, из этих девчоночек!
Неужто же это они исток наук, в которых упрямяство и дерзость...
Знаешь, Томск, понимаешь, Томск, назначь им свидание лет через десять.
Они к тротуарам твоим прильнут.
И, вспоминая дни эти заново, все, что ты дал им, сполна вернут...
Так что не дрейфи. Принимай экзамены!

АМЕРИКАНСКИЙ ФУТБОЛ

Американский футбол отличается от европейского. В него, как и в ругань, играют руками, подготавливая мячом.

Мы все поражены:
на поле вышли парни, тяжёлые как башни.
Округлы, как слоны...
Такой снежет, не пох, роляя на пятый этаж.
Такого встретишь ночью — сам часы отдашь...
Судья, как повелитель и главный уговариватель, уже смахнул пылинки с мяча продолговатого.
Потрогал на затылке остозачек волос.
Подождал затишь... И — начался!

Схлестнулось! Сшиблось! Грануло,
пенсь и клубсь.
Ни бога нет, ни дьявола...
Смотрят дуют пас.
Как точно, погляди-ка!
Не смогли закрыть...
Ну, золотая дынька! Показывай прыть...
И парень мчит по краю.
Ахчт, как от собак.
Как будто он ограбил по крайней мере Бани!
Как будто он ребенка вырвал из бады...
Малькет, как рыбешка, в кипении воды.
Мелч приймает к телу.
Не видит ничего...
Где ему! Где ему!
Ох, как его!

Подрубленный! Подкошенный!
P-raz! — и все дела...
А над ним роскошная куча-мала!
Кончатся силы.
Нет пяти зубов...
А может, это Симово,
А вовсе не футбол...
Гляди: свершилась, грянула твоа земная жизнь.
Ни бога нет, ни дьявола...
А теперь держись!
Твоа судьба написана.
Не верь ничьим слезам.
Биццесами! Биццесами! Сам! Сам!!!
Побежденный стонет.
Смерть глядит в упор...
Это вам не что-нибудь.
Это футбол!

Алексей РАЗЛАЦКИЙ

Деятнадцатилетние

Метаем о тишине мы,
Гудящей,
Стучащей —
Рабочей.
И надвевем шивели.
Меня походы пощери,
И узеваем на зорь,
На зор,
На восток далекий.
Проплываем с нами семки,
Встречаюся с нами дороги.
Скоро нам «дислокация»
Станет понятней, чем «адрес».
Мы едем не развлекаться:
Нужны нашей армии кадры.
На идущие нас оставовне.
Дадут нам «солдаты» имя...
На двух берег звонкого
С патронами боевыми,
Шагаем и в дождь и в сыляток,
На трудности сами лезем;
И те, что умели плавать,

Заблук об этой болезни.
Нам научать радары,
Нам приручать ракеты,
А телу у нас всех простал —
Уметь зацпнать рассветы,
Рассветы, песни и весны
Над нашей страной рабочей.
Мы тяготы службы сносим,
Чтоб мир был навеки прочен.
Отслужим —
Домой вернемся
И встанем и станкам охотно,
И снесится знаниямсы
У наших знамен походных,
Другие прагнут в шинелях,
И службе их быть не проше...

Метаем о тишине мы,
Гудящей,
Стучащей —
Рабочей.

Нефть

Она черна,
как полночь зенит,
но бьются в ней
и пластика
и пламя.
Кто про нее
сказал,
что «кровь земли»,
позовно
и земля
оскорбляя?
Неблагодарный!
Не геолог он.
За внешним блеском
глядел он
ревниво...
Нефть
только
с материнским молоком
своей необходимостью
сравнива.
Неужто,
чтоб аэрою овладеть,
чтоб ветры вскрыть,
мы
лучших провозжаем?

Да как же
нужно
презирать людей,
чтоб верить,
что геолог
кровожаден!
Нас заставляет
крепнуть
и расти
миллионической настойчивости
голод.
Иснять
антиклинальные сосы
уходит в неизвестное
геолог.
Уходит, чтоб найти,
пробить,
добыть
и сил испить
у матери-планеты.
И этой силой
на простор орбит
выносятся
сыпновие ракеты.

Лев ТИМОФЕЕВ

ИСПЫТАТЕЛИ ПАРАШЮТОВ

Как одиноко вольное паденье,
Где ты и с с тенью дыме разлучаешь.
Есть в этом с дальней несвое совпадение
И с птицей, освещенною луном.

Но гаснет луч, и песня не допета,
И темн, как птица в солнечной крови,—
Подарком странному падает планета
В раскрытые объятия твои.

Но не тепера. Еще не вышны сроки.
Чтоб стыло, заприкнувшись, лицо,
И, из груди выстреливая строны,
Еще спянет надежное колено.

Ты в небо не выходишь по неделям,
Ты смишишь трезвой речи голод,
Но, слово купол опытной молал,
Раскрыты над тобою небеса.

И вновь к тебе приходит вдохновенье,
И новый взлет. Последнее паденье...

Дожда суровой ниткою проплет
Недоиспытанный тобою парашют.

Его доиспытает поколенье —
Тебе пряснится тот далекий век.
Да здравствует свободное паденье,
И арок распахнут — прыгай, человек!

Михаил ЛЬВОВ

***

Бессонница бывает
Различные в ночи,
И есть, что добывают
А есть, что добывают
В ночь лучи.
Одни предавая люто,
Другие вскинут вверх,
Как творчеству салюты,
Как низин фейерверк.
...Бессонница укоров
И совести улюлов.
Бессонница винам.
Бессонница окопов.
Бессонница войны.
Любим. Работы быта.
Задумок к забот.
Бессонница обиды,
Когда ты позабыт.

Как ярость амысля чмства,
Как через ночь прыжком,
Огонь бессонниц чстных
Нас окрылял и жег.

Не от пристрастья к винам
Уснуть мы не волюны.
Бессонница чстным видом
Донине мы болны.

***

Современный активный словарь!
Остальным словарям ты главарь!
В нашу речь ты врываешься властно,
И участвуешь в жизни всеславно,
И накладываешь ты печать
И на радость мою и печаль,
Ты не волю мою отнимаешь —
Ты безжалостно отнимаешь,
Учишь каждого —

через слова,—
Чтобы в жизни он был не слабик,
Чтобы действовал повелительно,
Жизнедействовал победительно,
Не как в стаде баран — не как
встарь —
В жизни был — как активный словарь.

ТУРБАЗА

«ГОРНЫЙ ВОЗДУХ»

Самой природой создана,
Станот турбазы наша —
Высокогорным воздухом
Наполненная чаша!

[И в юности и с возрастом
Сюда ты едти чаще!]
И вид тебе откроется
Невиданный!

На дню!
Не то, что до «околицы» —
До моря, до залива!
И слово на ладони
Южно-Сахалинск!

О утро молодое,
В сердце сохранись!
Лети по трассе сплывомой
[А не — сплывомой]
В летящем чувстве сладостном,
Лети — головоломной,
Головокружительной!
А если неумело —
Головокружительной!
Лети умело,

сломо!
Лети решительней!
Лети с трамплина
И метр берм за метром!
Высокогорным ветром
«Пропарай» спини!

А если ты не лыжник,
Глушуща шапачком
Броди вдоль сопок блинник,
«Плещись» пешочком
И набравшись воздуха
Высокогорного.
Любитель отдыха
Высокогорного!

Не лыжником — лежачего,
Тельного, лежачего —
Активного!

Ходячего!

Красного!

Не лозунгом, не возгласом,

А тишиной и отдыхом

Зовет турбазы наша —

Высокогорным воздухом

Наполненная чаша!

г. Южно-Сахалинск.

СТРИЖИ

В закатном небе насыхает вага,
в слонском дыме не видать лугов,
и самозолгорится буфта
исчерченных стрижами облаков.

О птичье небо — черноват записк
людем сотнилетиях лозы,
знак сенюкса, сон, смелая зьявля,
горячий ток пульсирующих вен.

полет стрижа, размах крыла кошо —
последний росчерк ишущей руки...
Слепни прочесть шифрованное слово,
пока легко горят чернышки.

г. Рязань.

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ МЕТРЫ

Элла ЧЕРЕПАХОВА

Фото В. МИШИНА

Я пришла из Архангельска, начала рассказывать товарищам: «А знаете, мост скоро закончат — ого-го... мостище!»

И подумала вдруг, как часто мы говорим «мост закончен», «домна пущена», «урожай собран»... И безлич- ный оборот накидывает максималит на все дни и все ночи, которые состав- яли чью-то жизнь — не легкую и не простую. Да и не одну, а десятки, может, сотни жизней, соединенных на тот срок напряженной работой и творчеством. Пожалуй, молодцы... Калейдоскоп судеб, событий — це- лый мир, который никак не уладыва- ется в безличный, обструганный до лыски оборот...

Вот и у этого архангельского мо- стища, выгнувшего свое решетчатое фотогеничное тело над стальной се- верной рекой, вот и у него, едва ми- нет октябрь, не будет отметки «чей».

Это монтажник Саша Леховиш.
Те, кто знает его, скажут: «Он связан с мостом не только монтажными поясками. Тут любовь. Призвание».

Строители! С холодами простынет их след. Кончили — отбыли. Их дело такое. Им бухгалтер недаром колесные платит. А все же несправедливо это. Ну, памятников, может, и не надо, а табличку где-либо на опоре — табличку с фамилиями авторов и лучших из лучших, создавших всю эту красоту, гигантскую мощь над Двиной, — стоило бы. Не для славы — для доброй памяти.

Мост над Северной Двиной, что и говорится, отменный. Старший прораб Юрий Туравин определил его достоинства так: «Интересный в инженерном отношении. Весьма».

Весьма, весьма... Архангелогородцы, которым с правого берега на левый и, соответственно, обратно доводилось ходить в навигацию на катере, а зимой по лавнежке, проложенной прямо по льду, те не так скупы на слова:

— Красавец!

И в этом нет ни тени фантазии. Все

точно. Мост нужен городу позарез. И отсюда эрудиция жителей, необычная осведомленность о ходе строительства, сроках и прочем. Да что городу! Мост нужен области, мост нужен стране. Именно такой, как его тут называют, «ковмещанский». Не очень благозвучно — наводит на ассоциации, связанные с малогабаритными надгробками — то, в общем, точно. Мост будет проносить поезда, автомобили и пешеходов. В середине моста есть особый разводной пролет. По прибытии морских или океанских судов он будет «салютовать», поднимаясь вверх, делая по-козьянски широкий жест. Может быть, когда смотришь на эти фотографии и видишь эффект от своей легкости решетчатое тело гиганта-моста, трудно представить себе, что были у строивших его людей минуты, когда в отчаянии они говорили друг другу: «Нет, до металла сразу не дойдем, с фундамента никогда не слезем!»

Фундамент русловых опор ставили по-новому, не прежним, кессонным способом, когда строителям приходилось работать под высоким давлением сжатого воздуха, а с помощью оболочек. Чугунные оболочки погружали в реку, забивали в дно вибраторами, а потом наращивали.

Юра Гуревич, глядя на меня уставшим, покрасневшим от ветра глазами, говорил, медленно вспоминая:

— Оболочки... Эту новинку мы освоили. Но вы ребят спросите, они помнят, что значит «освоить новое». Они вам расскажут... Первая опора была самой трудной. Погрузили оболочку, включили вибратор... Он стучит, стучит — и все вхолостую, ни с места. Глина оказалась плотная, возмущающей силы вибратора не хватало... Но зато нашего возмущения было достаточно... Додумались-таки, как ее, эту Дину, взять...

Нет, этот мост они не зря называли своим детищем. Его рост был труден и связан с волнениями, так похожими на те, что связаны с рождением ребенка. Восемь лет жизни связано с ним. На стройке часто говорили о смете. Смета — хорошая, нужная вещь. Но не все можно измерить в рублях, «осметить». На третьей опоре оказалась песок и глина, под четвертой и пятой — сплошная глина. Бесконечные сюрпризы Дины: снизу и сверху — сжигающий колючий ветер, пронизывающий дождь по осям. Шестидесятиметровая высота. Работа на пролетах свободной конструкции, куда монтажникам не разрешают приносить с собой лишнюю гайку в кармане, — любая перегрузка опасна.

Так они строили и выстроили этот мост, который спроектировал ленинградский инженер К. С. Шаблий. Мост, кстати сказать, вообще «попал в руки ленинградцев». Все дело в строительстве — выпускнике ЛИИЖТа — Ленинградского института железнодорожного транспорта, начиная с 32-летнего начальника мостостроительного участка Ю. Безрукова и кончая 26-летним Ю. Гуревичем, старшим прорабом.

— Мост мне дал нечто большее, чем просто интересный опыт, — откровенно сказал Юра. — Потому что я тут не только за мост, я за людей отвечал. У меня участок — 250 человек.

Так, наверное, чувствуют себя моряки, ступившие на землю после долгого плавания, или летчики, возвратившиеся на аэродром. Земля! Под ногами родная земля...

и у каждого свой замочек, понимаете? Сколько замочков — столько ключиков.

Среди руководителей отряда много молодых ребят: заместителем главного инженера Рудольфу Боквою и старшему прорабу Борису Павлаву, тоже выпускникам ЛИИЖТа, нет тридцати лет. Молодые руки, молодой мост.

Мост менялся на их глазах, рос, но и они менялись тоже. Они тоже росли. И в ком воистину была строительная мимика, в том становилась она стальной жилой, а в ком не было, тот покидал фронт строительных работ, недолго — недолгий фронт. Мост строили много сотен людей. О всех не напишешь, всех даже не назовешь, хотя монтажники Саша Леховишин — паренек в рязань, как шиллингер подмосковный. Серете, взглядым в мой блокнот, густо списанными фамилиями ключиц из лучших (кнопальщик Николай Чертов, бригадир плотников-верхолазов Алексей Винокуров...), твердил:

— Еще Цовбуна Владимира впишете, так? И Юру Лебедева тоже... Вам что, чернил жалко? Эх, вы бы знали, что это за люди! Хотя в жару, хотя в мороз, хоть какой трудный элемент попадется... Короче говоря, монтажники. Так и пишите.

Саша 25 лет. Он монтажник, выстопник. Мне интересно, почему и как он выбрал себе эту поднебесную профессию.

А под землей я уже был — серьезно сказал мне Саша. — В шахте на Донбассе крепильщиком довелось... Вот. Ниже уровня земли и выше... Решил все же закрепиться на высоте. Тяжелый достался мост, но увлекательный.

На сувальчатном мосту Саша делал все: погружал и наращивал обложки, монтировал кран, после «перелес» на мостовые. Мы встретились с ним незадолго до конца строительства. Кажется, дней 50 еще оставалось до срока. Всего пятьдесят. Это самое «неско» ощущалось по несколько психодораную темпу, в которой шли последние приготовления: укладка верхнего строения пути, балластного откоса насыпи, земляные работы на правобережном подходе... Десятый мостостроитель жил на скользящем графике, без выходных, без бритья — шел монтаж главных ферм последнего пролета. Леховишин стоял на шестой опоре, на насыти, куда перелез через фанерный забор с надписью: «Опасно для жизни». Он стоял, опустил голову, и смотрел на отсвечивающую, как лезвие топора, реку.

— Отчаеват! — радостно спросила я его.

— Бродя кончаем, — неожиданно грустно откликнулся он и вздохнул. — Да нет, еще причалы строить будем у Бокварца, Цигломана. Еще все-таки не совсем...

То же странное, смешанное выражение радости и сожаления уловил я в темных глазах Юры Гуревича. Впрочем, он был все время сдержан в выражении чувств, почти сух. Но на прощание неожиданно сказал:

— А знаете! Дивно-то красивые Новы.

И откликнулся.

Это признание воплощенного в свой город, постоянно мечтающего о нем ленинградца стоило многого. И тем они строили и уже почти выстроили этот мост. И скоро уйдут отсюда. И хотелось бы верить, что найдется на протяжении этих великолепных восьмидесяти метров, собранных ими по драматичному, хотя бы одно местечко, чтоб написали бы имена.

Не для славы — просто так, для доброй памяти.

Анатолий ГЛАДИЛИН

Два года в пустыне

РАСКАЗ

Те. более отравительного настроения, чем в ту осень, у меня давно не было.

Вес сентябрь и провел на полигонах, в одном из горных районов страны. А когда кончались испытания и я думал, что вернусь в Москву, пришла телеграмма: сидеть еще месяц в Н. Сидеть и ждать, когда командование округом проведет контрольную проверку, Телеграмму я получил прямо в штабе, куда явился сразу по возвращении в Н. Я пытался выяснить, когда же это будет. Увы, все могло быть «загнано», а могло произойти перед ноябрьскими праздниками. Мне сказали, что будут вызывать меня для консультации, и заказали номер в гостинице.

Я понял, что предстоит весь октябрь бороться без дела в неизвестном городе. А между тем единственно, чего я хотел, это не быть в одиночестве. В этом году произошло достаточно много событий, о которых мне не хотелось бы забывать. Я мечтал быть занятым по двадцать часов в сутки, чтоб приходить в гостиницу и тут же засыпать. Так нет, все наоборот!

Я сказала себе, что буду разрабатывать новое, но знала, что ничего не выйдет. Пока не принят мой последний вариант, ни о чем новом я думать не в состоянии. Уж такой собачий характер! Наоборот, буду целые дни нервничать: как пройдет контрольная проверка, утвердит ли!

Просить руководство, чтоб до выезда в столицу в Москву, бесположно. Я числился здесь консультантом, и мое дело было телачье — ждать.

В отделе очень предупредительный подполковник заказал пропуск в Дом офицеров, чтобы меня, человека сугубо питянского, пускали на все концерты и увеселительные мероприятия. Подполковник догадывался, что мне будет не очень весело, и он сделал все, что мог.

На почтатке никаких писем мне не было, да и не могло быть, и я вообще подождал о очкечку «до востребования», чтобы не нарушать традиции командировочности.

В номере и пробыла недолго, похода по улицам, пообедать в ресторане при гостинице, выпила несколько и пошла спать.

Утром я побрился и надел белую крахмальную рубашку и галстук, который мне приятель привез из Англии. Когда я спускался вниз по лестнице, то уткнулся себе в зеркале и остался доволен. Ростом меня мама не обидела, папа сидел на мне хорошо, и в свои двадцать восемь лет я выглядел очень и даже очень. (В 18 лет я любил косить на себя в зеркало. Потом это прошло. Потом было не до этого. Но сейчас я вдруг вспоминаю юность.)

Вернулся я часам к пяти, обегав весь город. Брони мои были обременены грязью до колен, а уж о ботинках и говорить нечего.

Два дня я еще пытался найти себе какое-нибудь занятие. Даже зашел в отдел к подполковнику, даже был в Доме офицеров на танцах.

Как и в преддверии, Н. оказался не самым веселым городом из тех, что я видел. Собственно, у него другое название. Это исконно рабочий город, и дай бог ему здоровья. И мне бы здесь работать, а не пытаться бездельничать.

Но и в номере я чувствовал себя невжато. У соседней палаты день на полумую мощь ревели радио. Ревели и когда они были в номерах и когда уходили в город. Я попросил горничную зайти в пустые комнаты и убрать громкость. Она на меня посмотрела как на нездорового. И вообще, традиционная дровня, тумбочка, стол и какое-то непонятное животное на столе, алкое, несомненно вымарганное на 12 (кажется еще украснее!) было действовать мне на нервы.

Странно, на полигоне я жил в восьмиместной палатке, и все было нормально.

Кончалось тем, что на третью ночь на меня напала бессонница и я даже написал письмо туда, куда совсем не стояло писать. Впрочем, утром я одумался и решил его не отправлять.

И вот, находясь в таком транс, я встретил Славку. Мы вместе кончали институт, но любимо дружили, но сейчас, столкнувшись на улице, обрываются друг другу.

Вечером я перешел к нему. У него была своя комната в двухкомнатной квартире. Преподавал он в техникуме, и когда приходил с занятий, что ждал кофе, сваренный мной, а также несмысленная хлесткая подморжка — калбаса, сыр, консервы. На большом я был испосособен. Мы болтали, вспоминали сокурсников и случайные встречи с ними. Мне удавалось настоять, чтобы Славка не уступил мне свой диван, и я мило устроился на раскладушке.

Теперь проблема вечера была решена.

Я опять зашел в отдала к положаоннику. Он был, как всегда, любезен, но по его виду было ясно, что он не понимает, за каким чертом человек выставляет в очередь в бюро пропусков и отравляет работы заботливых людей вместо того, чтобы сесть да читать газету и ждать престолона, когда вызовет.

Давно решил я. Надо взять себя в руки. Тебе повезло. Тонна времени. Ты давно не заходил в библиотеку, просто так, не изучать материалы, а читать разные книжечки. А ведь за это время писатели, наверно, поднаписали. Это они умеют.

Я зашелся в читальный зал городской библиотеки, просматривая журналы и увидел, что есть на что обратить внимание. Я просидел целый день и был весьма собой доволен.

Утром я опять вникнул. Меня привлекла история войны на Тихом океане.

Стоп! Вот тут-то все и начинается. Славку в библиотеку, студента Пира-Хар-Бор, я узнавал с девушкой, которую звал Римма. Кеттик, как ее зовут, я узнавал на следующей день. И, пожалуй, это к лучшему. Причем, как мы познакомились — совсем просто или слишком сложно — я почему-то не могу вспомнить. Не то она мне что-то сказала, не то я ей, но потом мы стояли на лестнице и ввали вноше свисткий разговор. Почему меня зрнут повесло на беседу, объяснимо: мне подошло молчать до вечера. Хотелось послушать свой глас. Потом я посмотрел на часы и вдруг предложил ей пройтись по городу. Она согласилась, мы вышли.

И вдруг на меня опять напал тоска. Почему я ушел из библиотеки? Я же должен выполнять свой план. Теперь, когда я уже поговорил с полчасика, я спокойно мог молчать неделю. Так нет же. Раз я ее вывел на прогулку, то надо развлекать разговором. О чем говорить? Я с детства не терпел умных разговоров. И потом я уже лет пятьдесят не гулял под руку с незнакомой девушкой.

Я твердо знал, что она мне не нравится. То есть девушка была миленькой, и в ней что-то было. Но это «что-то» явно не в моем стиле, и я бы никогда решше не обратил на нее внимания. Правда, этот год, я ни на кого вообще не мог смотреть, кроме. Ну, дело прошлое...

Вообще я давно убедился, что человек настроенна. Я должен был бы радоваться, что наконец завел какое-то знакомство, а я вдруг стал опять думать о своей работе. Уверен, что, сидя я по-прежнему за Тихоокеанской войной, мечта бы о встрече случайной.

Так обычно со мной бывало на праздники. Женья, догваривавшаяся с разными людьми, все хорошо, и даже погода великопелная — так нет, накануне по телефону ты слышишь каку-то пакостную интонацию, холодно прощавшись, утром услышишь злой, как выпинающийся чайник, и, если не переживат ранним телефонным звонком, устремившись за город, к сучной тегте.

Правда, на следующий день с большим интересом слушаешь рассказы домниных, как вечером разнесли твой телефон. Но вот и все удовлетвение. А праздники пропала.

Итак, я разохался на себя и на девушку, которую вел под руку.

Обычно в этих случаях по многочисленным воспоминаниям моих зна-

комых) между двумя, интеллигентными людьми разговор идет по следующему наряду:

— Погода (наконец-то прояснилось).

— Кинофильм (по афше).

— Город (хороший городишко, но не Москва).

— Последний модный московский концерт (присутствовала).

— Потт Бегуничко (разговор отклоняется).

— Какая-нибудь история из собственной биографии (смешная).

— Туалеты (в бы одеты прямо по-московски).

— Вторая история из собственной биографии (участует женщина).

— Предложение куда-нибудь зайти (купить конфет).

— Боже интимная беседа.

— Но тут-то было!

Началось с того, что она неосторожно похвалилась своими туфлями.

Звучало это так:

— У меня нет никаких сомнений, что этот фасон вы одобрили с ма-

неидеальствам.

— Можете, вам не нравится и мое пальто?

— У меня нет никаких сомнений, что этот фасон вы одобрили с ма-

мого эмантного картофельного мешка.

— Однако, может, и я вам тоже не нравлюсь?

— Атомная бомба страшнее.

— Благодарю. Вы, кажется, считаете меня уродиней?

— Но зато не самой последней. Место пятно или шестое от конца.

Так началась наша беседа. Причем по моему тону трудно было догадаться, шуту я или говорю на полном серьезе. И она не понимала. Что ей оставалось, обижаться (и расписывать в том, что ты поная дура) или принять глуп?

Мы зашли в магазин. Мне надо было взять хлеба и масла для ужина.

Поймав ее взгляд, я сказал, что пусть не надеется и конфетками ее угощать не буду. Может быть, если вы очень попросите, я куплю корку хлеба, и то черного. Здесь она не выдержала:

— Я сама вам могу купить килограмм шоколада.

— Естественно, килограмм моему не было границ.

Мы блуждали по городу, и у одного дома она попросила меня подо-

ждать. Я понял, что наконец-то (по почему так поздно?) ей эта болтовня надоела и она вышла предлог тактично от меня избавиться:

— Мне надо отойти одну вещь.

— Ради бога. Но я буду ровно пять минут.

— А если десять?

— Пить и ни минуты больше.

— Никогда не приходилось больше пяти минут ждать девушку?

— Никогда.

Врал, конечно, безбожно.

Я прождал шесть минут, закурил и хотел уйти. Но тут она вышла. Это меня настолько поразило, что я даже стал вежливо. Но как ее зовут, принципиально не спрашивал.

— Лаано, проводите меня домой.

Она назвала ушу, на которой жил Славка.

— Так мы соседи.

— Вот несчастья!

Она постепенно попадала в тон.

Наши дома разделяло здание техникума. Здесь мы остановились.

— Так как вас зовут?

— Странно, что вас это вдруг заинтересовало.

— А все-таки?

— В следующий раз.

— Если завтра в двенадцать дня вы появитесь на этом месте, буду считать вас победителем ввиду физиологии.

Я неслышно был хорошо воспитан и для применения названного свидания. Я поднимался по лестнице спокойней. Я твердо знал, что она не придет. Но когда я открывал дверь, мне вдруг задохлось, чтоб она пришла.

Она стала приходить ко мне каждый день, и мы сидели подолгу в комнате (я примерно подгадывал, что думала о нас соседка). Потом мы шли по городу, иногда заходили в кино, иногда в библиотеку, а иногда была параша — сверку лица, вину халхоло. Савлака привлек к Римме и даже ухаживал, если не заставил ее, придти с работой.

Римма привлекла себя тем же комедия, когда и пытался работать, читать книги, когда я ложился подремать, говорить только тогда, когда ее спрашивал. У нас сложились странные отношения. Мы были на «вы» (как хотел я). Она могла сидеть рядом со мной, потом положить голову мне на колени, но ничего такого, что вело бы хоть к малейшей интимности, между нами не было.

Я узнал ее биографию — весьма несложную. После школы — золотая медаль. Училась два года в полиграфическом институте. Потом решила уйти. Сама. По собственному желанию. Она работала в совхозе на поле. Через полгода звали ста трактор. В нем сидела двое ребят и она. Был буряи, и был мороз. И мотор остыл, и ребята бились, а потом пошли. Они пытались пробиться с Риммой, но потом вернулись назад. Бураи чуть стиха. Ребята поднялись, но Римма сказала, что она идти не сможет, пусть ребята идут впоном, иначе все трое замерзнут. Рулялся, ее выносили на кабина. Но Римма отказывалась идти. Она забралась обратно на сиденье. Ее очень хотелось спать.

Тракторист ударил ее по лицу. Она рассеяно, близко но него поспуревала и попыталась убраться. Но не лицо уже не подчинилось. Тракторист свинул с себя полушубок, укрыв ее ноги и пошел с товарищем в кабушницы впрак.

Через час она вернулась на другом тракторе. Четыре месяца Римма лежала в больнице. Потом поступила в университет, на первый курс филофа, но на следующий год она заболела и перешла на заочное. Вот все внешние события ее жизни. Немного для двадцати двух лет.

На улице грязный дождь. Мне надоело смотреть, как он тронет своих алпикими пальцами стекла, и я заерудил занавеску.

Я лежу на диване, повернувшись к стене, и делая вид, что сплю. Римма сидит за столом и читает выходящего учебник. Это я ее просил читать вслух. Теория литературы очень усыпляет.

Я знаю, что каждое утро заводские гудки будут сумрачный Н. Вес горд идет на работу. Уходят соседи, тихо льет чай и высказывает на цыпочках (чтоб мне не будить) Савлака. Даже соседский сын Петля, и тот бежит в школу, только и убавно полугусту время. Чтобы время убить, надо меньше думать. Для этого нельзя быть одному. А что будет дальше? Еще не прошло и двух недель, а я уже лезу на потолок.

— Римма, о чем вы думаете?
— В дивную музыку о фобуле и сюжете.
— Прекрасно. А вообще о жизни? Что вы будете делать дальше? Вам нравится эти фабулы и сюжеты?
— Нет.

Милое занятие. Свою злость я срываю на ней.
— Вы бросили один институт и бросите второй. Дальше что?
— Летом я думаю поехать в экспедицию на Салмы. Там подруга, она меня зовет.
— Кем в экспедицию? Что вы умеете делать? Фабулу и сюжет? За-

Рисунок В. ЮДИНА

мерзать на тракторе? Вам двадцать два года. Чего вы достигли? Чего вы хотите? О чем мечтаете?

Она молчит. Я вскакиваю с дивана и хожу по комнате. Я рассказываю о своем товарище, о себе. Я вспоминаю, в каком трудом мы всего добились. Мы, как проклятые, сидели над учебниками. Мы читали а подлиннике нужную нам английскую литературу. Мы сутками пропадали в тех учреждениях, куда нас взяли работать. Я полгода спал по четыре часа в сутки. Я не успевал даже прочесть газету. Я объясню ей, что не надо ее стараться, но когда скоро я поеду на Север, полковники будут докладывать мне и спрашивать моего разрешения. Да, вот она увидит сейчас меня бездельником. Но ведь это один месяц, один месяц за последние десять лет! А раньше мне всегда не хватало времени. И не будет хватать. Должен же делаться, что я делал и над чем я работал!

Я говорю еще долго, но чувствую, что говорю не для нее. Я говорю для себя. Я вспоминаю свои прежние заслуги. Я себя успокаиваю. И это протиную. Я кончаю.

Ну, а вы, Римма? Что у вас впереди? Выходите хоть замуж. Или не прощайте.

Естественно, задерживает ее именно последняя фраза.

— Не думайте, что я така. Это вы меня задавали своей эрудицией, остроумием, успехами. До вас я и сидела вечером дома. Меня все время приглашали. Летом приезжала Семен. Приезжала специально жениться на мне.

— Ну?
— Ну, видите, я отказалась.
— Кто он, Семен?
— Хороший парень, простой инженер.
— Спасибо. Да я, знаете...
— Ну похвастайтесь, похвастайтесь. Кстати, тот, кто полагается действительным успехом, об этом не говорит.

— Она молча смотрит на меня. У нее хорошие глаза. Я как-то раньше не обращал внимания. У нее действительно очень красивые глаза.

— Послушайте,— говорю я,— сегодня суббота. Проведите меня в университет. Я столько лет не была на обыкновенном студенческом вечере. Наверно, в субботу кто-нибудь устраивается.

Перед концертом в зале сплошные перемещения. Все куда-то бегут, толкаются, смеются.

— Зайка, Марга, посмотрите на Римму! Поразитесь!
Римма тоже в этом круговороте. К ней подходят какие-то девушки, ребята. И она чем-то очень озабочена и очень весела. Ей надо что-то всем успеть сказать, и мне надо.

На меня ноль внимания. Никто не смотрит.
Постепенно публика оседает на скамейки. Концерт. Маленький капустник про экзамены, объективизм, влюбленность.

Вот что когда-то было. Восемь лет назад я участвовала в такой же капустник. Так же самые хохмы. И так же, как и тогда, смеется сама.

Вот так, наверно, люди начинают ощущать старость. Считаешь себя молодым и вдруг убеждаешься, что ты все знаешь, что ты не понимаешь, вернуть, прекрасно понимаешь, зачем эти девушки и юноши пришли сюда, но тебе это совсем не интересно. Ты все знаешь, ты все испытала. Ты сейчас можешь увести с собой самую красивую студентку. Ты опытная и умнее всех мальчиков, что вытесно около тебя. Но когда ты будешь говорить с ней, когда ты будешь смеяться с ней и разговаривать, будешь и неловко остроуть и очень крепко, уверенно вестись в танце, вот в этот момент, когда студент Капм смотрит тебе вслед и кусает губы,— как отделяться от мыслей, что это уже было, было и не одлажка.

Капустник кончился. Зрительницы сдвигают скамейки. Старые парни: туניתся свет, несколько прожекторов бродят по головам танцующих.

Ана страде джаз. Девушка поет:
Все девчата с парнями,
Только и оiene,
Все ядала, все верила...

Я вижу, как девушка на эстраде тихо раскрасневается, как вытгиается всегда пение.

Я, наверно, впадаю в детство, потому что мне нравится ее слушать, потому что мне хочется быть студентом Колей и смотреть кому-нибудь вслава, кусая губу, потому что я хожу приглядываю на танец студентки и не вижу, что будет потом, и вообще почему что.

Я танцую с Риммой. Танцуют она плохо. И я представляю, я пытаюсь представить, если бы сейчас в зал вышла та, другая. Другая. В смысле, для тебя — единственная. Была.

Она, конечно, была красивее. И одета лучше. Как говорится, эдаганно. Если бы я сейчас с ней танцевал, на нас бы все смотрели. Когда-то о нас говорили: «Самая красивая пара». Ты, старик, сколько тебе лет?

На нас бы все смотрели? Четырнадцать? Семнадцать? Она все равно была бы всех красивее. Она это знала. Каменное лицо и взгляд как бы издалека, из глубины зрачков, но в угол. Ура, вот только этого тебе не хватало! Пошла воспоминания.

А вот и царица бала. У нее высокие ноги, и она облокотилась на руки брионгетского баскетболиста. Она танцует, как будто несет полный бидон молока, и бросает в окрестности порожние згладки.

— Послушайте, генерал, пойте мне отсюда на улицу.

Правильно, не забывай, что ты не один. У тебя есть обязательства перед девушкой, с которой танцует. Генералом она стала меня называть сегодня вечером. В отместку за мою утреннюю речь, весьма эмоциональную и идеологически выдержанную. Но я ей выше эфрейтора звание не присвою.

— На выход, эфрейтор!

Город спит. Окна темные, но в каждом окне на первых этажах видны фигуры, куклы и прочая непонятная мле растительность в цветочках-горшочках.

— Послушайте, генерал, а эту девушку тоже званя Римма?

— Какую?

— Ну ту, о которой вы думаете и иногда вслух.

Надо отдать ей должное, она ведь реально интуитивна.

— Не «тоже Римма», а просто Римма.

— Подчеркнули?

— Не обижайтесь, эфрейтор.

— Кто что мне еще останется? Так почему вы не женились на ней, генерал? Неужели вы так себя поставили?

— Я ни на ком не женюсь. Чтобы жениться, надо отдать себя другому.

— Сокровище.

Да, надо отдать себя другому, а меня еще хватают на мою работу. Мне не хватает на себя себя. Я могу постоять, как это будет. Вечером измученная прилгудея домой. Разговор с женой на месткомовские темы. Все и мне захочется куда-нибудь пойти. Где я смогу рассказать, что-нибудь новое для других. А жене я не смогу сообщить ничего нового. Она уже все будет знать и И и улау. А ты, друг Римма, не такая, чтоб не слышать и жалеть меня. Сия кому ты уйдешь. Так кому ты уйдешь?

— Слушайте, генерал, а не можете ли вы хоть раз сказать мне «ты»? — Не нарушайте субординацию, эфрейтор.

Можно вспоминать еще дни, покоче один на другой. Вечером прихорода Длава, и мы втроем шли как или шли вое, если я его покупал. И потом Римма уходила, когда я ей говорил: «Эфрейтор, можете на сегодня быть свободными». А Славка меня ругал: замек, дескать, я так плохо к ней отношусь! А потом рассказывала, что было днем в техникуму. И я слышал непонятно: ведь это была же Римма?

Но, к счастью, на этом свете все рано или позано кончается. Однажды вечером мы втроем разбиты бутылку коньяка, и я уехал на Север. Я пробыл там недалеко. И все было очень хорошо. Очень хорошо человеку, когда он убеждается, что умея работать и умеет работать, что он действительно нужен.

И все было очень хорошо. И самое главное, я понял, что дальше будет еще лучше.

Но что я об этом могу рассказать? Только то, что там на Севере, меня вычеркнула зима. То, что в комнате, куда меня повели, как я бы хотел, я бы выехал, и ветер налетел на стекла, и в комнате стоял такой собачий, кошачий, свиный холод, что надо было прыгнуть до потолка или тут же лечь в постель, натянув на себя все матрасы и одеяла. Я мог бы жить в общих комнатах, где было тепло, но спящими: захотел отдаленную комнату. И в своем кабинете, где стояла, и все мое личное имущество. Хорошо, что тетенька дала мне сразу мезовушку, которую я надела под пальто, и поддела большой меховой воротник и прятал голову от ветра. Нет, летчики хорошие ребята! Они пригласили меня электрическую пещку с вентилятором, и я мог сидеть и работать по вечерам, подставляя попеременно все части тела под теплую струю воздуха. Но вот и все, что можно рассказать.

Меня подзвали на «Воле» в город, который обычно называется Н-ск. До отхода поезда на Н. оставалось полчаса часа. Я уже выслушивал, как утроем Славка, потом на аэродроме и везенье в Москве.

И тут я вспоминаю про человека, который помог мне в трудные для меня дни. Да, теперь-то я понял, как он мне помог!

Я пошел на городскую почту. Я сказал себе, чтобы она мне написала «до востребования». И пока я шел, я все больше хотел получить от нее письмо.

И я его получил.

«Генерал! Я становлюсь ревностным служашкой. Вот до чего доводит стремление выслушивать. Стремление и желание, оказывается, не одно и то же. Я раньше не догадывался об этом, всегда была человеком штатским и прогнившим войном».

В Н. мороз и снег. Ветер. И ночью не спать страшно. Летняя форма одежек уже не годится (это я про вас, генерал).

О вас здесь говорят, но больше обо мне. Чужды. И никто в университете не знает, кто вы генерал. Я хотела бы знать это дело.

Вчера со мной у подвала дола стою один студент. У него последний теплая шуба. В этом месяце я отыскал, чтобы меня кто-то уволагодит до мной. Времена меняются.

Несу чушь, генерал. Голова гудит. А парня в шарфе был очень мил. Чушь, конечно. Пишу о нем, а думаю о вас. Больше писать не стану, а то и у меня, как и у вас, — чем дальше, тем страшнее.

Все, мой генерал!

Я встретил ее утром, на улице, когда шел к ней. Она стояла у трамвайной остановки. Я подошел, села и тронула ее за руку. Она обернулась. Я ожидал, что она покраснеет, но она смотрела на меня долго, словно не узнавала.

— Вы уже вернулись, генерал? А я думала, что мне повезет и я вас больше не увижу.

— Я хотел сегодня улететь.

— Это на вас очень покоче. Стойте мне в сторону.

Мы стоим у какой-то заколоченной двери. Я смотрю Римме в глаза. Удивительно, она резко покочерела за эти дни.

— Да, это на вас очень покоче. И когда?

— Я замолчу! Худу вечером.

— Послушайте, генерал, не смотрите так на меня.

— В чем дело? Нерв?

— Не смотрите. Вы можете отвернуться?

— Эфрейтор!

— Вы хотите, чтоб со мной была истерика, здесь на улице?

На улице снег и свет. Но занавески у нас, как обычно, спущены. Римма лежит на диване, я сижу у стола и говорю ей ладости. Это очень важно! Я должен быть прав. Я знаю, что я не могу сделать подлость этой девушке. Если ей мигнуть обзаву. У меня мало времени, но я должен сделать все, чтоб она не думала обо мне, чтоб она спокойно спала сегодня ночью, чтоб она не вспоминала меня в эту долгую зиму, что у же

наступила. Надо ее обидеть. Надо доказать ей, что ты эгоист, занайка, по-добро, что ты не стоишь ей, и вообще — не было тебе.

Но мне очень не хочется это говорить.

Ибо я выслушиваю.

— Послушайте, Римма. Вот мой ответ. Выходите замуж за инженера с хорошим именем Семен. Или ждите весны — и я на Сиань, в экспедицию. Пора нам начать наступательную жизнь.

— Генерал, в прошлом году у меня не было весны. — Это первое слово, что она произнесла, и я не слышал. Я была больна. Вы правы. Надо дожидаться весны и уехать на Сиань.

— Кстати, эфрейтор, у меня тоже не было весны. Было такое время, что не дай бог.

И вы мне рассказывали, генерал. Сто тысяч раз. И у меня к вам просьба: помолчите немного. Иногда это вам идет.

Я сижу и слушаю, как тикает будильник. Ну и злук! Как у трактора. Римма подкладывает голову и смотрит на меня. Мне надо идти, надо встать и выйти на улицу. Еще немного, и я пододвину к Римме. А дальше? Я не должен и думать о том, что она может, и обзаву! Она меня оставит одним взглядом. Я еще раз повторю себе, что не должен так поступать. Я не имею права. Надо выйти на улицу.

Я встаю. Она опускает голову на подушку и говорит, делая ударение на каждом слове:

— Не будите трусом, генерал!

Вечером мы попрощались со Славой, выпили шампанского и поехали на аэропорт. Самолеты не шли: в Москве была гололеда. Мы послали обратно в город телеграфом, чтобы предупредить поезда. От долгой езды в машине, я может, и от вина Римма ужалена. Она сидит рядом со мной, и положив голову мне на руку, спит. Деванадуть вочи. Мой поезд через полчаса часа.

Все кажется занято. Люди спят, спит на чемадонах, на полу, на местном. Внизу толпа у закрытого входа в ресторан: пыльные ругаются с милиционерами. В эту минуту ребята.

Римма спит, и я не решаюсь пошевеливаться.

Час ночи.

Один за другим уходит поезд. Народо поубавилось. Пусты лестницы. Довольно ударились, даже разлезлись во весь рост на скамейках.

— Римма! — говорю я, — вам надо ехать. Машину вы не поймаете, последний трамвайбус.

Мы выходим на пустынную площадь, где по краям лежит снег. В одной руке у меня чемадон.

— Генерал, попробуйте сказать мне один раз «ты».

— Смешно. А я, пожалуй, не смогу. Так вы не хотите, чтоб я вам писал?

— Нет, эфрейтор, мы никогда не увидимся. Вам это не нужно. Будет весна, и вы уедете на Сиань.

— Вас, генерал, можно поздравить. Вы закончили работу, да еще успели провонять интрижку.

— Как умеем, эфрейтор.

— Ну трамвайбус скоро придет.

— Наверно.

Разговор переходит на транспортные темы.

Трамвайбус высккивает из-за угла, как помпаят собака. Мы обмениваемся церемониальным рукопожатием.

— Разрешите вас поздравить, Римма?

Генерал, не нарушайте субординацию. Всего хорошего.

Она вскакивает на подножку. Я вытягиваюсь и отдаю честь.

— Благодарю за службу!

Это называется, выгнать под занавес. Гаупо. Но уже поздно. Трамвайбус укатывается.

Поезд шел, спотыкался на станциях. Женщина с нижней планки влохотила радио на полную громкость, когда появилась себе девчачья с парнями, только я одна».

И вот (итерая нижняя планка) выходила за мной в коридор. Он был молчалива и говорила только «сейчас станция», когда было видно станцию, «вот река», когда мы перезаехали реку, «тронулись», когда поезд трогался, «вый присинься», когда приносил чай. В вагоме-ресторане за моим столом поехали в парк. Они громко излучали меня... «Возьмем курочку и булочку, «и рабы», «и кофеек», «моласе завалек», «привидий тарелочку».

«Серебряный туман в вечерней дымке тает, Над тумбаром горит хрустальная звезда.

Кондуктор не спешит, кондуктор понимает, Что девушечку я прошорше высветал!»

Эта старая лезия пришла ко мне. И еще я думаю о работе, и о товарищах, и что, наверно, начальство меня отметит, и о том, что скоро Москва, и о новой работе.

На следующую ночь я проснулся часа в четыре. Я не смог заснуть. Оделся и вышел в пустой коридор.

Подъезжал к Ярославлю. Снег на полях кончился, и я снова вступил в осень, которую свое сердце в этом году

Что со мной произошло? Каким я стал? Внешне все благополучно, внешне все блестяще. Я уверен, что мне многие даже очень завидуют. Внешне. Но почему мне так плохо?

Я понял, что сам страшно завидую. Я завидую этой девушке, Римме, что осталась в Н. Она могла любить. Она любит, и жизнь для нее наполнена смыслом и даже сейчас, сейчас она счастливей меня.

А я никого не люблю. И, наверно, не смогу любить... Глупость, ерунда. Этого не может быть. Ты еще молода и слава. Ты должна верить, что у тебя все впереди. Будет еще весна! Будет еще небо голубое, синее, оранжевое. Надо верить! Надо хотеть жить, хотеть любить!

Было тепло и оставалось. Я вышел на пустой перрон. Проводник завбуя и плонуя в аужу. Станция затораживала товарный состав. Я пошел вдоль вагонов. И спереди и сзади над перроном повисали красивые огни светофоров.

РОЗВЕ

Фото В. ТЮККЕЛЯ

1. Микрофоны включены. Художественный руководитель Большого симфонического оркестра радио и телевидения, заслуженный артист РСФСР Геннадий Николаевич Рождественский поднимает дирижерскую палочку...
2. Внимательно наблюдает звукорежиссер Ирина Снегова, как рождается тондиск, с которого «начинается» будущая грампластинка.
3. Запись отличная! Таково мнение контролеров экспериментального завода грампластинок Тaisiya Васильевна Лебедева и Клара Бабалка.
4. Это не просто — слушать и одновременно следить за партитурой. Большой сосредоточенности требует прослушивание записанного произведения от мастера-монтажера Елены Буневой и главного звукорежиссера Игоря Верпенчева.

Вот телеграмма:
 «Париж. Ради Вам сообщить, что Анастасия французской грампластинки присудила запись оперы «Борис Годунов» Большой приз за наилучшее звучание в мире. Искренне, Жан Руар, Директор «Шан до мон», Телеграмма эта лежит на столе у директора Всесоюзной студии грамзаписи В. Владимировского.

— Наши пластинки, — говорит он, — покупают более чем в шестидесяти странах. Помимо всех необходимых качеств, они имеют еще одно немаловажное достоинство — раза в три дешевле, чем выпускаемые западными фирмами. А значит, доступнее...

— Это как бы итог. А теперь давайте вернемся и истоку и проследим, как музыка обретает «плот» в виде черного блестящего диска, упаванного в яркий конверт.

После концерта Большой зал консерватории опустел. Зрители «отпустили» музыкантов, ушли сами, Ушло гостило. Тише стало на улицах. Но вот снова заполняется сцена. Пришли оркестранты и хористы. Появляется высокая фигура Дмитрия Борисовича Кабалецкого. Он снимает пиджак и по-домашнему нажимает его на плечи: так удобнее. Не по-концертному строго расположившись и музыканты с хористами. А меж ними вырос частой из конденсаторных микрофонов. Несмотря на вмянувшую хаотичность, они выстроены оператором в строго определенной порядке: чтобы сбалансировать звучание, чтобы «не вылезала» камер-либо инструмент. Один из микрофонов — «для воздуха» — подвешен высоко в зале. Кабели от микрофонов идут на третий этаж, в аппаратуру. Здесь над звукозаписывающим аппаратом, лишь отдаленно напоминающим знакомый всем магнитофон, склонилась, делая последнюю проверку перед записью, инженер Раиса Волянская. Звукорежиссер Игорь Верпенчев садится за пульт и спрашивает Кабалецкого, можно ли начинать. Получив утвердительный ответ, нажимает оператору:
 — Начали! Мотор!

Этот сигнал легит и в зал и оркестру. Запись началась. Углубил микрофоны, Вепренец внимательно слушает, глядя в партитуру, стоящую перед ним на политре и подкидывает головой, что-то отвечая в ней. Ему явно не нравится, как звучат оркестр и голоса. Он то приближает, то отдаляет микрофоны и иногда частоты, увеличивает реверберацию.

Что такое реверберация? Если вы в большом пустом помещении кричите, звук, отразившись от дальних стен и потолка, возвращается, гулко прозвучав, создавая впечатление непрерывно объявляемого. Это и есть реверберация. Вспомните, как звучит орган в соборе. Слово все здание заполнено звуком до самых свода. Это происходит потому, что звуку есть где разгуляться и он не гаснет сразу. Характеристика помещения по реверберации для музыканта чрезвычайно важна. Не случайно некоторые особенно сложные произведения созданы в Риме, в Домусиньоне, в соборе.

Реверберацию можно создать и искусственным путем. Для этого существуют специальные приборы, которые так и называются — ревербераторы. Регулятор одного из них под рукой у Вепренца. Он увеличивает реверберацию, звучание становится богаче, наряднее.

Кусок сыгран, свет и записан. Зауководил реверберацию Кабелевского заведует. Начинается прослушивание записанного.

Безмолвию полнот по сидлам, — огорчается композитор.

— Распосует, — успокаивает кто-то. — Первая труба доминирует над всем, — отмечает Кабелевский.

Кусок заканчивается слышно. — Ну как, Игорь Петрович? — спрашивает композитор из зала.

— Уме значительно лучше. В смысле баланса меди — хорошо. Труба не вылезает. Но надо чинить саксофон тубо. Последние фразы большого хора интонационно пока тоже не получились.

Внучу внимательно слушают Отчери. Он мучается. Вспомнил консерваторию. Заменяю его тонким и профессиональным.

В третью раз плуцена будено. Но не в последнюю. Когда все будет записано, пленка перейдет из магнитной записи, на монтажный стол, где отберут лучшие варианты и смонтируют их.

Итак, сделана магнитная запись, пленка одобрена художественным советом. Теперь с магнитной пленки будет произведена запись на тондиск — алюминизованную пластинку с идеальной поверхностью, покрытую черным лаком. На тондиск поступает записывающее устройство — рекордер с алмазным резцом. В одной плоскости с рекордером установлен микроскоп. Оператор время от времени заглядывая в него, следит, чтобы резцы на оставши смывком глубокой борозды. Как и при магнитной записи, здесь главное лицо — звукоинженсер.

На тондиск нанесена запись. Теперь он попадает в руны иммерна-электроскопика Галины Френель. Она со своими мастерами мучается в разных ваннах. С тондиска снимается металлический оригинал. Процесс начинается с химического серебрения. Затем диск покрывают никелевую ванну. Где на сервор маркируется 10—12 микрометров, потом другой ванной наносится слой меди.

Процесс галвано-пластического наращивания — путь к матрице. Когда она готова, ее отправляют на завод по оптической Алесандре в Ленинград. Ригу или Ташмет. С помощью матрицы и штампуют на прессе пластинки из винилового шпона с различными присадками.

Матрицы отравляются на завод, а мы вернемся на улицу Станкевича, откуда начали свой побег. Две недели назад, когда в стране ежегодно производится долгоиграющие пластинки более тысячи названий. Это не только симфонии, но и оперы, концерты, эстрадные песни, стихи в исполнении мастеров звукозаписывающей, драматической композиции, уроки лени и т. п. Пластинки прочно вошли в быт. Созданы и записаны семь курсов русского языка для иностранцев, комплексная программа гимнастики, комплексная программа гимнастики, комплексная программа гимнастики, комплексная программа гимнастики. Вот еще пример. Надолго в море уходит рыбак. Иногда они по несколько недель не видят берегов. Большой цикл ленинградской пластинки на всевозможные темы, специально созданный студией, будет для них голосом родного берега.

А. ГУРОВИЧ

Дед

Два глаза веселых сияли
На лице моего деду!
И до морщинок бровных,
И вдоль горюхинок бровных,
И вдоль морщинок-тропичных
Бежали смешинок
Из бороды и ушей.
Все, на что он смотрел,
Дрожало от радости.
А в полахотой соломенной бороды
Прятались всякие сказки.
И выпрыгивали оттуда,
Как только детские пальцы
Гладили этот соломенный воров.
И феи и гномы
Слотно прятались в бороды.
Где еще ни было бы так хороши!
Но для них ли звал он бороду!
А за это они щекотали деду
До тех пор, пока он не улыбнется.
Даже белые зубы тайком
Смеялись в такой бороды.
И все-таки не сладко:
Он каждое утро
Своей дубленой лапшой
Плещал на не грды и в лицо
Ледяную воду.
И все-таки они вприпрыжку скакали за ним,
Когда он пахал
Или шел.
Желтые зерна.
Зерна кашаласы крошечным на ладони
И чуть мельшшим на земли.
Были у деду жинистые жестые руки,
В них зеленели корни сердца,
По которым ныли радость
От пахоты
И посева.

От свежонарубленных дров
И свежотомленного куса хлеба
На что вымолот, выскобленного столе.
По ним бежала радость
Прямо в сердце.
И оттуда она озвараля его глаза.

Два глаза веселых сияли
На лице моего деду.

Желтый костер

Уже полыхает желтый костер
В кроне зеленого клева.
Объяты баргозы, лиловым огнем
Через дуги и осыни.
И вот уже лес пламенвет адали.

Дано загореться листве осеннего дню.
Дин азлетают с ладоник, как птицы.
И это последний отблеск
Огненно-яркой весны.

Тогда загорались повсюду
Костры голубые и белые,
Розовые и зеленые,
И равнина горюхинок голую
Аромат дуршачи цветов.

Теперь прощальное пламя
Осыпается вдоль дороги,
И тает на мохорой земле,
И гаснет в холодных лужах
Под жестким дождем.
Голый лес —
Огонь, покрытый похотью.
Ветри отблуживает.

И белым лепетом
Знамя слышит следи.

Прекрасно быть веселой,
Свободной от тоски,
Сладкой смешные песни
С припевом в две строки.

Кухонники привези
Из рощи получить
И радостные мысли
Невольно обобщай.

Позови каждой облке
Свернуть в тебя снежком,
А после все на свете
Стрихнуй с себя платком.

Сосулька

Сосулька, сосулька,
Горышко сверени,
Капелька — в ялре,
Ручеек — в ялре.
Солнце сияет над снежными донами,
И покосенная мошным струями,
Ты падаешь каплей в ручей голубой —
Визг головой, и меня за собой.
Я вступаю сама этии странностям,
Или которыми — признание и странностям.
Успешные заросли в раздвиганном.
С кочки на кочку перебегаю.
Ты заблудилась в дороге навеки,
Шорох твои лютят глубокие реки.

А ты отмишавше похоту от снега,
В безветный ствол ударяешь с рабига
И ноги полощешь мне и ольке.

Потом, покосенный лукаво-лукаво,
Прягнешь с горни и идеальной рваном.
И смеж из воды высекает слезу,
И песенка булькает где-то визну.

Сосулька, постой! Я отстала немножко.
Ты блещешь адали, как жипное окошко.
В тебе отражается млния ява,
И домни, и небо.
Сосулька, слышай!
Счастливой дороги по странам безветным!
Качается облако с парусом розовым.
На это корабле — облаке маленьком
Ты хочешь весну догнать по проталинкам.

Сосулька, сосулька! Ах, вот ты какал!
Лопатками, словно млня, сверкая,
Весну догоняешь, бросьешь меня
Под хлопание крыльев летящего дня.

Время крылато, ладоник,
Дин азлетают с ладоник, как птицы.
Осьнь пришло.
Прошлась, кричит караван журавлиный
У самого неба.
Береза роняет
Осенние листья.
И падают звезды ночам
С небесных сводей.
Иди похотнее ветря, соберем
Все то, что отстало лето,
Отведем сладкую мудрость плодов
И будем хранить у себя до весны
Семена.
И я бы летела,
Чтоб несколько листьев
Осталось на память
Об осеней этой.

Авторизованный перевод с английского
Юльи МОРИЦ

Изо дня в день приносит почта отклики на документальную историю одной жизни, опубликованную в «Смене» № 12 за 1964 год, — «Отречение Самыи-короля». Эти письма обьявляют не только трудно сложившаяся судьба их авторов, но и то, что все они адресованы непосредственно «Самыи-королю». С ними люди делятся своими переживаниями, у него ищут ответа на десятки вопросов. Но некоторые сомневаются в его существовании, и следовательно, и в правде всего рассказанного.

И мы решили ознакомиться с этой огромнейшей коллекцией, послужившей прототипом «Самыи-короля» [будем по-прежнему называть его Александром Назаровым], и попросить ответить через журнал тем, кого затронула рассказанная нами история. А в первую очередь некоему королю ночного Улан-Удэ, у которого не хватило смелости подписаться собственным именем. Сегодня мы публикуем ответ Александра Назарова.

Валерия ГОРДЕЕВА,
Александр АГОПОВ.

АЛЕКСАНДР НАЗАРОВ ОТВЕЧАЕТ СВОИМ КОРРЕСПОНДЕНТАМ

Вот она лежит передо мной, стопка писем, прощепеленных в разных концах нашей страны. Эти последние и в огромных треугольниках и в ярких конвертах. Десятки людей писали их, и почти в каждом письме — боль за жизнь, прожившую не так, как надо бы, за то, что топтал не широкие дорожки, а жилистые тропки...

За окном — черныш ночи, дробь дождя и мятущийся свет фонаря. Я один в комнате, надвигаясь с человеческими судьбами, лежачими коротко и длинно на листах бумаги. Среди писем — одно, которое и перепечатываю уже много раз, стараюсь в набоке почерка увидеть человека, писавшего эти строки.

«Образуются, многоуважаемые редакторы!!! В двенадцатом номере «Смены» я прочитал документальную историю одной жизни — «Отречение Самыи-короля». Знаете ли, это сказка для маленьких. Я сам вор и знаю, что кода не простит измены. Так что чуть не порист! В одном лишь я согласен с этой повестью — что улица редко прозревает отчаяние, шок. Настоящий абсурд а вам не напишу: легавым донесете, а я с ними не хочу дела иметь. Я лезть воюрю, а в тюрьме ни разу не был. А урю знаком мой почерк (воровский). С приветом, Анон — король ночного Улан-Удэ. Это письмо писал не я, а мой кореш».

Сейчас в Улан-Удэ утро. Люди спешат учиться, работать. А что делается там, «король ночного Улан-Удэ»? Ведь ночь уже кончилась... Может быть, как истый престолодержатель (хоть и маленький, да король!), ты, устав от избытка власти, спишь где-нибудь после очередной пытки? И снятся тебе страшные сны: начальник райбюлета милиции или ребята из «Гурма», как ты их называешь. Ведь рано или поздно, а дать им аудиенцию придется! Да, гражданин следователь, нет, гражданин следователь...

Да, плохо спится тебе, наверное, Анон. Буду называть тебя так. По себе знаю. И хоть твердишь весь вечер: «Пей-гуляй, однов!»

вем!» — все равно нет-нет да и мелькнет мыслью, что денешки подходит к концу и ты опять надо где-то их доставать. Что, может быть, это будет в последний раз и больше красть не придется, а придется залезть где-нибудь лес. И хотя ты хвастаться, что не был ни разу в тюрьме, но наверняка частенько идишь сплюнутой воровской песню:

...надело бродить по этапам
и даленую волю стеречь...

Или что-нибудь в этом роде. Предчувствие — великая штука!

Тебе, Анон, мало лет. Это видно и по твоему почерку (письменно, безусловно, писал ты сам), и по тому, как тщательно раставлены знаки препинания, и по лихости, с какой ты употребляешь слова «кода!», «легавам»...

Нет, дружок, просто так эти письма не пишутся. Видно, здорово задела тебя моя история, раз ты решился на такой демарш.

И существует, «король ночного Улан-Удэ». Да и сам ты хочешь, чтобы я был, иначе не стал бы писать. И не такой уж я редкий экспонат в преступном мире — много таких, как я. Это они прислали мне письма — эту огромную пачку. И при этом совсем другие слова, другие мысли. И пусть тебе не кажется, что это я один читаю тебе мораль. Я говорю сейчас от имени десятков людей, которые поняли, что зашли в тушку, и решили повернуть свою жизнь на 180 градусов. Или, может, по-моему, они тоже не существуют?

Немало еще бродит ногами, соревнуясь с конками в бесовские, некоронованные королей. Они топчутся бессмысленно и глупо на одном месте, вместо того, чтобы честно идти вперед. А чтобы свирясть свое топтанье, выдумывают себе красивую жизнь и красивые имена.

Я обращаюсь во всем вам, кто еще не попробовал вкус найки черного хлеба и не слышал, как летают торрентные засосы. Кто еще не смотрел на небо в крупную клеку и не ехал в поезде с онемевшими, забранными колечей проволокой, куда — неизвестно... Вы не знаете, до чего же он трагедия солоний, этот подпольный рабочий пот! Как тяжело таскать лес и добывать промышленную амальму под взглядами охранников!

Вы этого еще не пережили. И поэтому мир

ваш кажется вам необыкновенно красивым, романтичными песни вышибают пьяную слезу и вам так хочется броситься на шею «друзьям», тем «друзьям», которые при первом удобном случае постараются оттолкнуть вас в сторону, чтобы пройти самому. Они не пошлют в тюрьму передачу, разве напишут одно-два письма: «Ждем, Самыя (или Петя), приезжай — гуляем». А у Самыя (или Петя) впереди еще годы и годы, и куда уж там гулять!

...Это случилось давно, когда я сам звался королем. За спиной у меня было уже две судимости, а впереди — долгий срок заключения. Правда, и тогда уже не идеализировал преступную жизнь: просто был хорошей, солнечный день, агаляющийся своей голубиной и нам в камере — пришла весна, с ее буйством зеленых красок, с бирюзовыми блудными озера, с коварными трава и чем-то неотумленным, или которому — молодость и чистота. Уже начинались знакомые, и тарелка репродуктора — единственной ноты, которая слышалась нас со свободой, — сообладала о пинках, восток, будущее. И тогда-то я услышал эту песню. Она говорила о тех, кто не перестает порою школы и уходит в мечту. О поезде, который идет в будущее, о том, как

...мы вошли в путь один багаж — свои мечты, свои мечты, мечты зветные...

И не знаю, почему, но именно тогда, впервые в своей неустойчивой жизни, я почувствовал: что-то у меня не то. Я почувствовал, где-то рядом со мной несутся по стальной колеи жизни интересная, полная событий, свободная... А мой поезд идет в прошлое, и стрелки на пути переверта я сам.

Слушайте, парни! Слушайте, «короли» и «королевские засосы!» И я вас различаю на улице сразу, хотя вы не носите перьев сапог гармонской и косых человек, не поднимаете воротнички, как кода-то мы. Вас выдают глаза. Они нехорошо, ваши глаза, — мутные, будто их долго вымачивали в воде. И манеры ваши, и походка ваша, и нарочито хриплые голоса... Вам еще не хочется забиться в какую-нибудь дыру и сидеть там, не выходя на улицу, чтобы не увидели, не узнали, не загляли... Вас пока еще тянет на люди, и частенько по вечерам вы торчите на бульварах, в подворотнях, и слышны за

В спорах о театре все чаще звучит имя Анатолия Васильевича Зворыкина. Его спелантизм становится значительным событием в современной советском театральном искусстве.

Главное в спелантизме Зворыкина — утверждение, утверждение идеи, мысли и театральные принципы, которые он считает современными.

Творчество Зворыкина по-прежнему можно потратить много сил и энергии, чтобы доказать неправоту противника — для этого необходимо умение спорить. Зворыкин избирает другой путь: он стремится прежде всего доказать свою правоту; для этого необходимо умение создавать. Его аргументы в споре — спектакли.

Есть много причин говорить о режиссуре А. Зворыкина, и одна из них состоит в том, что герои большинства спектаклей Зворыкина — молодые люди нашего времени. Школьные и студенты, инженеры и рабочие, финансы и милиция. Совсем молодые и чуть постарше — от двадцати до двадцати пяти (примерно) лет. Сам же себе эти герои как будто не очень полемичны: просто они хотят рассказать правду о себе, утвердить себя. Но половина все-таки возникает — молодые люди на спелантизме Зворыкина (не его одного, но сейчас речь идет о нем) сталкиваются с персонажами так называемых «молодежных спелантизм». Возникают два различные концепции молодого героя нашего времени.

ВИДЕЛИ ЛИ ВЫ «МОЛОДЕЖНЫЙ СПЕЛАНТИЗМ»?

Разумеется, видели, если хотя бы изредка бываете в театре (независимо, стоячий этот театр или периферийный — «молодежные спелантизм» ставятся везде). И вы наверняка научились распознавать его отличительные черты.

Молодые люди в таких спелантизмах делаются на хорошие и плохие. Плохие иногда пытаются притвориться хорошими, но их быстро распознают.

После разоблачения называют, или переопределяют, или то и другое вместе. Переопределением и низведением занимаются хорошие. Кроме этого, они влюбляются (иногда в плохих — это приводит к жгучим драмам) и совершают разные хорошие поступки: перевыполняют планы, делают научные открытия, отдают свою жизнь любимым (последние, впрочем, делают и плохие, но исключительно в новарных целях). Если в таком спелантизме выясняется, что тот, кто кажется плохим, на самом деле хороший (или наоборот), это уже вред гаубкомыслию. Почему это хороший, а тот плохой, остается неизвестным: так уж получилось.

Действие развивается под аккомпанемент легкой музыки, на фоне декораций, окрашенных в светлые тона. И становится смертельно скучно, пока предостережительные создатели спелантизма ввели специальную систему сцен. Становится скучно, потому что за добросовестным перечислением качеств и поступков не возникает яркого, интересного образа. Потому что тебе в сотый раз объясняют, что ты и уже знаешь. Потому что проблема, которая в жизни каждого решает по-своему, на сцене в подобных спелантизмах решается с помощью раз и навсегда заложенных рецептов. И ответ на любой вопрос — самый лучший, самый мучительный — дается легко и моментально. И жизнь со всеми ее сложностями, противоречиями, трудностями выглядит очень просто, и вообще размышлять о ней не стоит.

Видели ли вы «молодежный спелантизм»? Наверное, да, и можете быть, посмотрев раз-другой, перестали ходить в театр.

А если не видели, пойдите в Центральный детский театр на спелантизм «Они и мы» в постановке Зворыкина. В маленькой интермедии вы увидите остро и смешливо пародию на стандартный «молодежный спелантизм». Стопроцентно-положительные стандартный строгим шагом проидут перед вами, демонстрируя свою принципиальность, чуткость и моральную ответственность. Лучено-автоматичным движением совершат один из них доброе дело — вытрит нос плачущей

девчонки, и она немедленно радостно заулыбается. Сразу посмотрит они на двух девочек, после чего те моментально протравят и зашагают рядом с другинями такими же твердыми шагом. Одного щенка по лбу разлагающего в тишине ющю будет достаточно, чтобы тот, почти на манови позы, занялся общественно полезным делом.

Это едва ли не единственный сцена у Зворыкина, в которой он демонстрирует и высмеивает то, с чем борется своим творчеством: чаще он утверждает то, за что борется.

«ВЫ ПРИШЛИ СЮДА, ЧТОБЫ ДУМАТЬ»

Театральные режиссеры, как правило, не пишут пьес — они их ставят. Чтобы выразить свое мироощущение, свои художественные принципы, режиссеру нужен драматург-единомышленник.

Единомышленники Зворыкина стали в театре дилеммы нового времени. В их пьесах борются, любят и ненавидят люди, вступившие в Большую жизнь после ХЛ съезда партии. Драматурги искали режиссера-новатора, режиссера творчески смелого. Им был Зворыкин. И он вывел на сцену новых героев.

Андрей Авериня, Олег Савина, Салау Заварина, Иван Неделина, Нурю Салову из пьес Витора Розы.

Юльке Стригера из пьесы Елены Колесниковой «Друг мой, Коленька». Валодия Максимовна из пьесы Инны Ивалтер «Великие мальчишки». Вадима Остроухова из пьесы Натальи Длинной «Они и мы». Время движется ускоренным темпом. И спелантизм, в которых появились эти молодые люди, воспринимается сейчас почти как хрестоматийный, почти как странички еще не изписанной истории театра периода лиризмами культуры личности.

Их поступки были естественными

для них самих и совсем необычными для стандартных героев молодежного спелантизма. Андрей Авериня в пьесе «Друг мой» отказывается от уготованного ему судьбой и родителями места в институте и уезжает в Сибирь. Уезжает, потому что хотел сам строить свою жизнь, сам искать свой путь и свое место. Это было принципиально новым явлением — Розов и Зворыкин открыли в молодом человеке стремление и интеллектуальной и нравственной самостоятельности.

Нужна была большая уверенность в своей правоте — уверенность гражданина и художника — чтобы противостоят этому героя обычным молодым людям. Самые со всей страшной силой спелантизма Зворыкина дукали над жизнью, осмысливали то новое, что появилось в ней.

Было не так уж легко и просто. Были опасения и сомнения. Была борьба. Были спелантизм «Друг мой, Коленька» раздвинуло восталась, что вот, мол, некорректно показывать злобно-равнодушную ханжу в должности пионервожатой — как бы дети не подумали, что все пионервожатые плохие. И что показывать с сочувствием, как Юльке Стригера срывает скуны, избитый, казенный «Срок отрыва. То же нехорошо: что же это получится, если все дети после спелантизма станут срывать научные сборы, приедут, похитят, ломать головы, как сделать их несчастными. То, что говорил и писал это, как-то не учитывали того факта, что дети сами отлично разбираются в качествах своих воспитателей. Что с детьми нужно говорить серьезно, откровенно, как со взрослыми.

Что театр для них должен быть самими честным, самым искренним театром, чтобы воспитать в них честность и искренность не издательскими поучениями, а великой правдой искусства.

Стремление к правде, которая поможет жить и создать — одна из существовавших черт нашего молодого современника. Страстным утверждением правды, ее созидательной силы, ее необходимости променял спелантизм Зворыкина. И в Центральном детском театре, где они были поставлены, пошли хорошие. Пошли юго-

Судья Игитин слушал дело о двадцати тысячах.

Итак, инженер строительства Смолина и слесарь экспериментальных мастерских Ансанский — шесть лет назад изобрели строительный комбайн. Его расхвалили газеты и помаяли отраслевой техникой журнал. Но денежного вознаграждения конструкторам не выдали, а оно составило бы, судя по собранным в деле бухгалтерским расчетам, по десять тысяч рублей на брата и новых денег.

Один из изобретателей, Олег Анисимович Смолин, сидел наискосяк от судьи за маленьким желтым столиком с откидной, гулко хлопающей крышечкой. Обычно здесь усаживался адвокат, но сегодня адвоката не было. Встал советчик Ансанский, не заняв место, сидел со Смолиным за адвокатским столиком. Он увесел подал, на скамье для публики.

Костюм на Ансанском был из дешавых и ноносник. А черный прозорливый плащ изрядно потерявший, с белыми плешинами на сгибах, был надеян не по погоде, сухой и теплой. Ансанский сидел сутулито, неспокойно, засмеивая, подкашивая судью. Иногда шепотом на кого-то гавкало, но и гнев его казался записавшемуся, ненатуральным.

Напротив Смолина за таким же точно адвокатским столиком сидел главный инженер управления Андреев, единственный, кто пришел сюда не ради своей карьеры, а для того лишь, чтобы заставить от Смолина и Ансанского двадцать тысяч государственных рублей. По инициативе управления (оно было изложено в трех бумагах и подшито к делу), авторы комбайна непомерно завысили денежные требования, неправильно толкуя бухгалтерские расчеты, и не пожелали учесть, что за годы работы над комбайном государство уже вытратило на 15 200 рублей зарплаты.

Когда судья объявил имена, свое и заседателей, а затем выслушал, нет ли у сторон отводов, Андреев встал, разважал тесемки скрощивателя и сказал, что просит принять встречный иск, считая, что авторы комбайна не только инженер и слесарь, но еще и члены бригады механического завода, вот те два человека — Андреев показал в сторону публики. Он объяснил, что проект Смолина и Ансанского пришел на завод сырым, приבלительным, и лишь благодаря самоотверженному труду членов бригады комбайн удалось в конце концов довести до ума.

— Главный инженер вежливо улыбнулся: он не особенно разбирается в юридических названиях.

— Значит, спор об авторстве, — повторил судья и спросил Смолина: — Вы понимаете, истец?

Смолин настороженно кивнул.

— А вы? — Судья отыскал в публике Ансанского.

Тот застесился, засмеивая, стал говорить, что очень даже некриво товарищу главному инженеру утверждать, будто не он с Олегом Анисимовичем, а кто-то еще другой изобрел строительный комбайн.

— Ну, хорошо, — сказал судья, — значит, спор об авторстве.

Судья знал, что в конце концов ему предстоит написать и прочесть в зале решение, назвать действительными авторами комбайна Смолина с Ансанским либо еще тех двоих, упомянутых Андреевым. Но прежде ему придется оглушить дело и вызвать технических экспертов, которые засядут за чертотаблицы и скажут, какое решение будет зависеть главным образом от их технического приговора, а не от впечатления, произведенного на судью Смолиным, Ансанским или теми двумя с мехзавода. Судья понимал: гражданско-процессуальный кодекс не обязывает его жалеть о людях и не так уж это важно знать, что за человек сидит тут за желтым адвокатским столиком.

Судья уже наклонился к пожимавшей заседательские права, чтобы договориться об экспертизе, как вдруг чубятый, взерошенный мальчишка, один из двух, названных Андреевым, поднял руку и спросил:

— Можно вопрос?

Судья удивился. Обычно в судье будуют люди, достаточно искусшенные, чтобы знать, что судьям вопросы не задают. Можно задавать вопросы кому угодно, можно распыршивать истцов, ответчиков и свидетелей, и только трех судей, сидящих в деревянных креслах с засыпками стинками, украшенными гербом республики, нельзя спрашивать ни о чем.

Но чубятый мальчишка, как школьник, поднял руку и ждал, пока судья обратит на него внимание.

— Ну, что у вас? — спросил судья.

— Шувев, — назвал себя парень. — Техник мехзавода. Я интересуюсь: если авторами признают и нас, а не только Олега Анисимовича с Ансанским. — Он произнес имя и отчество Смолина нерешительно, с запинкой. — Если признают авторами и нас, то деньги, те двадцать тысяч, нам тоже придут?

— Возможно, — сказал судья. — Если вы окажетесь соавторами, то и вознаграждение вам достанется. Разве не ясно?

— Тогда вычеркните меня из списка.

— Из-за денег? — удивился судья.

— Из-за денег, — сказал Шувев.

— А без денег согласны бы соавтором? — уже чисто по-судейски поинтересовался судья, стараясь, чтобы человек казался о том же самом, о чем он сейчас сказал, только еще яснее и определеннее.

— Без денег, судья, — кивнул согласный Шувев.

Судья посмотрел на людей в зале. Смолин не глядел на Шувеева. Парня рассматривал главный инженер Андреев. Ансанский засуетился еще сильнее, он тоже не спускал глаз с Шувеева.

Судья знал, что ему вот наконец являеся два факта, кто действительно авторы комбайна, и следовательно, кому нужно присудить положительное по закону и подсчитанное экономистами вознаграждение. И если экспертиза подтвердит, что Шувев не автор, то судья должно быть совершенно безразличен почему-либо к нему, к делу об авторстве.

— А сканье, Шувев, — спросил судья, — никак у вас взаимоотношения со Смолиным?

Перевь пожал плечами и нерешительно сказал:

— Нормально.

— В сорсе, в родстве не состоите?

— Состоим в дружбе, — сказал Смолин, но на Шувеева по-прежнему

не взглянул, а Шувеев еще испуганнее посмотрел на Смолина и покраснел.

— Давно знакомый?

— Шесть лет.

— Он, Шурик, ученик Олега Анисимовича, — объяснил Ансанский. — Знаете, гражданка судья...

— Ансанский, а вас не спрашиваю.

— Да-да-да, — обиделся Ансанский, — молчу.

— А судья покоробило это «гражданка судья», хотя он знал, что по неведению так часто говорят люди, ни в чем, не обвиняемые, сидящие не за барьером на скамье подсудимых, а безобидные истцы и ответчики гражданского процесса.

— Шесть лет, — повторил судья. — Это, конечно, много. Учились у него? Где?

— В техникуме.

Шувеев сбивчиво рассказал, что он учился у Смолина в заочном техникуме на факультете строительных машин и одновременно работал чертежником у него же, в КБ. Там в ту пору приступили к проектированию комбайна. Окончив техникум, Шувеев перешел в цех завода, где этот комбайн стави строят. И еще он сказал, что имеет свое личное мнение об Олеге Анисимовиче Смолине, может быть, несогласное с мнением других.

Судья должен был разузвать попоробнее, каково участие Шувеева в работе над комбайном в КБ и потом на заводе. Но он помолчал и спросил у парня, какое же у него особое мнение об Олеге Анисимовиче?

— А он скромный!

— Может быть, и не скромный. Но, знаете, мы, ребята, его звали «сто первым вариантом».

— Почему же?

— Вот придете к Смолину с разработкой, он не посмотрит чертеж, а спросит: «Какой вариант? Если скажете, второй, там, или пятый, поморщится и обязательно смеется, что самый лучший — это сто первый вариант».

В зале засмеялись, а Шувеев, совсем осянчившись, сказал, что Олег Анисимович посоветовал одному конструктору мазать вазелином... и знаменее... зад. Тот стал жаловаться, что устал сидеть, переделывая чертежи. А Олег Анисимович говорит: «Смажьте зад вазелином, поможет».

В зале опять засмеялись, и судья строго предупредил Шувеева о том, что в суде надо выбирать выражения. И тут же спросил:

— А все-таки: нескромный Олег Анисимович — почему?

— Ну, часто говорит: моя, мол, машина. С ним не спорит никто. У него вот все шкафы запискиными перепиской с заграничными фирмами. Сколько человек знает! Ясно, его первая голова. А он все-таки настаивает: «Я на машину горько злится, и никто больше».

— Вы говорите, с ним не спорят? — возразил судья. — Вы же вот и спорите. Говорите: «Не Смолина с Ансанским комбайн, а наш общий». Так ведь? Только повторил, что если за комбайн ни хотят дать деньги, то они, Шувеев, пусть вычеркнут.

На вопрос судья он ответил, что в цене они делили машину, конечно, но совесть. Но может ли это считаться соавторством с Олегом Анисимовичем, он, Шувеев, не знает.

— Не жадничать бы Олегу Анисимовичу с Ансанским, — с сожалением сказал Шувеев. — 15 тысяч зарплаты получили — и ладно. И суда бы никакого не было.

— Вы знакомились с делом? — спросил судья, приподымая над столом папку-скрощиватель.

— Нет.

— Откуда же знаете, сколько зарплаты получили истцы?

— Нам товарищ Андреев сказал.

— А не сказал вам товарищ Андреев, что, кроме зарплаты, изобретателям по закону платят авторское вознаграждение? — спросил Смолин.

Судья знает, что авторское вознаграждение платят по закону независимо от зарплаты. Только Смолин судье не нравился. Ему не нравилось, что Смолин не смотрит на Шуваева. Не нравилось, что Асенский сидит не рядом с начальником за аккуратным адвокатским столиком, а где-то в публике. Не нравилась реплика Смолина, случайно услышанная судьею во время перерыва. Кто-то сказал ему: «Поздравьте, у меня сын родился». А Смолин ответил: «Погоди радоваться, еще соавторы найдутся». Не нравился судье и нарядный костюм Смолина. Фисташковый в клетку пиджак не столько красил его, сколько вышучивал его малый рост и пылосивые не столько озорного дерзкого мальчишки.

— Смолин — предупредил судья, — вопросы будете задавать с разрешения суда. Договорились?

— Договорились, — хрипловато сказал Смолин.

Человек, сидевший на скамье между Асенским и Шуваевым, в руках — зеленая валяровая шляпа, на кирзовых сапогах — новые калоши, понимающе засмеялся:

— На казенно топтаться — быстро его расстачеш. По закону, значит, причитаются? — перадрознил он Смолина. — Закон законом, да надо еще совость иметь.

Это был второй из двух членов заводской бригады, механик Кучумов. Заседательница слева, девушка-счетовод с табачной фабрики, шепотом согласилась: «Точно, совость надо иметь».

А поглядев заседательница справа, партийный работник, громко вздохнула. Расстроило ее замечание Кучумова! А может, она тоже отгорчилась, что нет совести у истца Олега Анисимовича Смолина!

Кучумов дружелюбно, как своему, улыбнулся судье, и это вконец испортило судье настроение. Судья хотел было предупредить, что за непрошеные реплики будет выводить из зала, но его отталек Смолин. Он пристал и положил перед судьею отпечатанную на машинке бумагу. В ней подсчитывалось, сколько людей за последние три года по разным поводам подтвердили авторство на комбайн Смолина с Асенским. Люди перечислялись в порядке их чина и званий: один доктор наук, 4 кандидата, 8 инженеров, 7 экономистов и 3 журналиста. «Предусмотрительный же истец!» — подумал судья.

Справка, присланная Смолиным, была уже не первым в деле документом, с подозрительной предусмотрительностью опровергающим лишь сегодня поступившее заявление о двух соавторах с мехзавода.

Еще неделю назад, когда судья вызвал стороны на прием перед слушанием дела, Смолин принес коллективное письмо за подписью нескольких членов НТО, которые методично расписывали заслуги инженера О. А. Смолина, одного из двух создателей комбайна. Судья усмехнулся тогда: а не приконуслся ли к этому коллективному письму рука самого Смолина?

На приеме судья спросил у Смолина, есть ли у него в управлении личные недруги. Олег Анисимович подумал и сказал, что личных недругов у него нет, а вот принципиальные противники есть.

— Это я, — рассмеялся Андреев. — Олег Анисимович имеет в виду меня.

— В чем же ваши принципиальные разногласия? — спросил судья. — Может быть, разные инженерные школы?

— А я не знаю, в чем наши разногласия, — простодушно сказал Андреев. — Олег Анисимович, а в чем?

Смолин промолчал. Он ушел первым, а главный инженер еще на несколько минут задержался в совещательной.

— Деньги, — пожаловался Андреев судье. — Проклятые деньги! Сколько ни заплати — мало. А вообще Смолин — талант.

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

— Не добрый! — сказал Крумов, — глупый.
Молодая заседательница склонилась к судье и озабоченно прошептала:
— А по-моему, не брать преимьяние даже не разрешается. Вы точно не знаете, разрешается или нет?
— Знаю, — устало сказал судья. — Разрешается.

Вздохнула заседательница, взяла судью за локоть. «Читалте. Она пододвинула к нему газетную вырезку, лежащую в деле. Это было, наверное, одна из газет, расхваливающих новый комбайн. Смолин с Асанским принесли в суд несколько таких вырезок. Но статьи газетчиков, что бы ни толковали они, ничего почти не знали в споре о вознаграждении. А потому судья даже не прочел их внимательно. Беда, но ходу прогадал.

Заметка, обнаруженная заседательницей, называлась: «Человек укрывает землю». Судья пробегал ее глазами.

Автор описывал, как во время войны Юрий Антонович Асанский был минером и вместе с боявыми товарищами минировал территорию, на которой управляли, а вынас строит свои объекты. Когда пятнадцать лет назад тут только разорывались рабытки, начальник строительства решил отыскать через Министерство обороны минеров, укрывавших данный участок. В минях оказались только Ю. А. Асанский, хотя его семья в военные годы дважды получала почетные звания. Первое задание Ю. А. Асанскому было: обследовать когда-то заложенные им мины.

Судья поднял глаза от газеты. Асанский по-прежнему суетливо ухаживал ей.

Судья вспомнил свои перловы впечатления об Асанском. Он прочел копию заявления Юрия Антоновича министру. Асанский писал министру, что от всех этих мытарств с комбайном уже получил тяжело заболевание сердца, что ему 55 лет и за три последние года он потерял здоровья больше, чем за всю свою жизнь. Он писал, что врачи, которые приедут к нему домой, просто удивляются, как это можно так бедствовать, трудиться и нелегально-забывать, так над ними издеваться. И если он, Асанский, по состоянию здоровья не дожидает до момента благополучного окончания этой истории с вознаграждением за комбайн, то вся ответственность ляжет на главного инженера строительства товарища Андрея.

Помнится, еще до слушания дела судья сказал, смеясь, заявление Асанского пожелав заседательнице. Но она пошла плямачи и сказала, что у нее эта бумага вызывает во иронию, а тревогу и горечь.

Судья совершенно забыл о том, что Асанского. Только когда наступил его срок, он подмигнул, как смиренно ведет себя человек, написавший в министерство такую пронзительную бумагу.

— Прядает, так и лично до министра дойдет, товарищ Асанский! — спросил судья.

— Я не гордый, гражданин судья. Если законное мне причитается, то и до министра дойду, — с готовностью сказал Асанский.

«И хитрить станет неумолю, прозрачно, и подданным в всякий случай станет, и просительно улыбнется — кому, дескать, от этого убудет! Ведь ему законно, подумала заседательница. Но Асанского. Только когда наступил его срок, он подмигнул, как смиренно ведет себя человек, написавший в министерство такую пронзительную бумагу.

— Не гражданин я вам, а товарищ, — поправил судья. — Вы же не подсудимый, вы ведь не в чем не обвиняетесь, товарищ Асанский!

— Нет, нет, — сказал Асанский. — Я ничего нарушить не сделал. Я только по закону.

— А 28-70 вы им заплатили? — вдруг спросил Андрея пожелав заседательница. — Ну не десять тысяч, а на пол-пиря вы им дали!

— Только из своего собственного кармана, — уже не весело, как прежде, в угрюмо сказал Андрей. — За свои хоты должна платить заседательница.

— Ваших Смолин не возьмет, — горчила Андрей пожелав заседательница.

— Ладно. — Судья похлопал ладонью по столу. — Надо назначить экспертизу.

Поставил себе цель так не слишком педантично соблюдать процессуальные правила, судья мог бы теперь сказать наперед, что прочтет он в сумок акта технической экспертизы.

Неожиданно встал Шуваев. Он и сейчас поднялся, как школьник на уроке, и, вздохнув, спросил:

— Я меня простите, Олег Анисимович.

Судья не оставил Шуваева. Смолин торопливо как-то кинулся ему, скользя по столу на Шуваева Андрея, а Крумов, усмехнувшись, кто-то что-то сказать, но не сказал.

— Вы меня простите, Олег Анисимович, — повторил Шуваев и вел. Судья подумал, что, Уйах сегодня из зала судебных заседаний, Крумов еще не осознал всей мудрой правоты казача перед его, Крумова, упорствующим невежеством, и Шуваев до конца все-таки не поймет, какой злой несправедливости могли бы обернуться его самые добрые намерения, и Андрей не попросит у Смолин один-два слова, а сам пойдут мимо.

Но этот час, проведенный не по правилам гражданского процесса, час, когда неравнодушные Митина и его близость оказалась сильнее судейской привычки, ми для кого не пройдет даром. Пусть не сразу, но вдруг, этот час прорастет когда-нибудь в сегодняшних истках и отвлеченных драматичной правичной мечты каменьях, и самым последним единственно безошибочной меркой — совестью народа и государства, возведенной в закон.

И не только они авиаряи сегодня не завершивший еще процесс о двадцати тысячах. Первый, кто выиграл этот процесс, был он сам, народный судья четвертого участка Владимир Константинович Митин. Он не сумел бы определить, как называется его сегодняшнее приобретение — зрелостью, опытом, профессиональным удовлетворением, радостью от разрешенных сомнений или еще более стойким убеждением в необходимости демократизации Митин знал одно: поступи он сейчас по-другому, он не смог бы с чистой совестью сказать, что всегда как надо выполнял свои партийный долг, честно решал от имени государства.

ЕЩЕ ДВА ЭТАПА ПРОЙДЕНЫ

В ТУРНИРАХ — 21 500 НОВИЧКОВ

Второй раздел нашей олимпиады был посвящен чемпионату туриров и третьего тура. Оно было посвящено «Смеяны», выступили в роли пропагандистов шахматной культуры. Они проводили в турфирмах более 14 500 новичков. По результатам этих турниров было 21 500 человек встало в ряды организованых шахматистов-разрядников. Всем им высланы соответствующие удостоверения.

Отличным судьям шахматных турниров «Смеяны» поназвали себя 260 участников олимпиады (каждый из них привлечен не менее двадцати новичков и только процент соревнований) — они объявляются победителями второго тура. Многом товарищам присвоена судебная категория по спорту.

Особенно активными организаторами проявились себя: В. Маршанский, лабораторный политехнического института (г. Томск), В. Морозов, работник комсомольского центра (г. Тульце, Пермская область), В. Михайлов, рабочий нефтяной эсеплиции (пос. Лынная Овра, тропце-Червоного района,

Юрий VII шахматной олимпиады «Смеяны» подводит итоги второго и третьего тура. Низко мы коротко рассказываем об этих этапах нашего традиционного шахматного соревнования.

Юрий VII шахматной олимпиады «Смеяны» подводит итоги второго и третьего тура. Низко мы коротко рассказываем об этих этапах нашего традиционного шахматного соревнования.

Юрий VII шахматной олимпиады «Смеяны» подводит итоги второго и третьего тура. Низко мы коротко рассказываем об этих этапах нашего традиционного шахматного соревнования.

ПОБЕДИТЕЛИ ТРЕТЬЕГО ТУРА

В третьем разделе олимпиады было предложено проанализировать пять комбинационных позиций. Их 1 630 читателей, приславших разбор этих комбинаций, получили суммарную оценку — 20 баллов — удостоены 122 участника.

Наиболее полные, содержательные ответы прислали Е. Шатохин, электросварщик (г. Камск, Красноярский край), В. Журавлев, инженер-геолог (пос. Момоихово, Титовский район, Приморский край), К. Утегенов, младший научный сотрудник ГипроНИИХимаша (г. Алма-Ата), П. Мазаров, инженер-электрик (г. Кострома, студент Института горного машиностроения

(г. Харьков), военнослужащие Ю. Муцаев, А. Астахов, В. Волгодонцев, участки 10-го класса средней школы (ст. Капшаганов, Малоякутская область), В. Кропоткин (г. Вельозю, шахтер пос. Горняк, Донецкая область), В. Иелтухов, работник автомата (с. Сабугай, г. Кизильский, Оренбургская область), А. Ткачук, механик (г. Арно, Одесская область), В. Байкухаметов, горный техник (г. Сатка, Челябинская область), В. Игулин, колхозник (с. Боньково, Черноморско-Кавказский район, Запорожская область), Е. Шумина, техник (г. Рязань).

Победители 2-го и 3-го туров олимпиады отмечены специальными дипломами.

ПРИВОДИМ ОСНОВНЫЕ ВАРИАНТЫ РЕШЕНИЯ КОМБИНАЦИИ:

№ 1. 1. e4 + f3 2. Lh4 + f3 3. f3-b3 4. a3-h3 5. Rf2 R2 6. Rph2 h5 3. Lh6 и больше выигрывают.

№ 2. 1...b3! 2. Lf7 b2 3. Lh7 c3! или 4. Rb3 c2 5. Rf7 C3e +! 6. Rb6 c6 C4d, и черные добиваются победы.

№ 3.

...Rc3 3. Jd1 +! Kp: e5 4. Rf7 Kp: e2 5. b4 x.

История

Н. КОРОЛЬКОВ Фото автора

Просматривая беглые записки в полевой кинематографии, я чаще всего наталкивался на слово «точность». С поразительной «точностью» — это о результатах артиллерийского огня, это о действиях танков, «точно в споре», «точно до метра» — это о высадке авиационных бомб. Высшая степень точности — такая наиболее приметная характеристика боевых действий войск, принимавших участие в маневрах.

Могут спросить, нужны ли маневры. Не перевалило еще побитыми заданата подобные вопросы. Это люди из породы блиндажных борзучков. Вот, мой танк извлек на дерево, разрушил край дороги, потравил кусок нивы. А сколько денег истрачено! И, хваля, забывают, что те же солдаты сами и березки сажали, и старые дороги чинят, и

строят новые. Забывают и о другом — о мерах пущей по ту сторону границы, о тех, кто грозит нам войной. Не умирают реваншисты из Западной Германии. Битые Советской Армией генералы бундсвера вновь говорят о походе на Восток. На учениях своих войск они планируют широкие наступательные действия против Советского Союза, против других стран, оставших на пути строительства социализма.

Во время маневров наив, журналистам, показали карту, которую передал командованию Национальной народной армии перешедший в ГДР майор бундсвера Бруно Винцер. Карта изображала хищными стрелами. На ней предусмотрены удары сухопутных войск на Берлин, Варшаву, Прагу. Силы Почти полумиллионная армия, в основном состоящая из танковых дивизий. Командуют ими офицеры и генералы гитлеровского генерального штаба. Все 170 боннских генералов — это впитавшие бывшего фашистского вермахта.

С редким цинизмом наслаждается реваншистский дух в Западной Герма-

нии. Фон Цитцевитц, руководитель бронетанкового училища бундсвера, поучает своих курсантов «Немец, ищущий военную форму Национальной народной армии, нельзя считать немецом. Поэтому можно спокойно в него стрелять».

Цитцевитц спрашивает: «Готовы ли вы в случае отступления в Восточную Германию арестовать, конформировать и назвать ваших родителей, сестер, братьев, проживающих в Веймаре?» и требует лишь одного ответа: «Да, готовы».

Таков бундсвер. А за его спиной стоит сила не менее воинственная. По официальным данным, ядерная мощь США за три последних года увеличилась в два с половиной раза. Одних только мегатоннитермальных баллистических ракет и ракет «Поларис» накоплено более тысячи.

Вдунатесь: только тысяча с лишним ракет стратегического назначения Иная это разрушительная сила! Да еще подкрепленная стремительно разрастающимся количеством дивизий сухопутных войск.

Но армии социалистических стран располагают всеми средствами защиты своих народов. У них есть чем и есть кому решительно отстоять социалистические завоевания.

Социалистические, миролюбивые государства объединились в военный союз и поставили себе цель — сохранить мир, а в случае нападения отразить и разгромить любого агрессора. Учение «Наветр» лишней раз подтвердило, что так оно и будет в случае, если империализм осветлится напасть на нас.

На высоком левом берегу Нейсе собрались маршалы и генералы армий социалистических стран. Видный советский военачальник, в прошлую войну руководивший нашими армиями, наступавшими в этих местах, рассказывает о Нейсе 1945 года. О боях, которые вели здесь 2-я армия Войска Польского и наша 52-я армия. Генерал брони М. Смышлянский, министр национальной обороны Польской Народной Республики, дополняет рассказ. Гитлеровские танковые дивизии непрерывно

На учебных боях, стрельбищах, полнотонах и танкодромках встречается явным образом Варшавского договора. ТАСС сообщают о совместных учениях на территории Германской Демократической Республики. Высокое боевое мастерство демонстрировали соединения и части Советской Армии, Национальной армии ГДР, польской и чехословацкой армий на учениях «Бергштетт». Ученками руководил министр национальной обороны ГДР генерал армии Г. Гофман. Предлагаем читателям репортаж корреспондента «Смены» полковника Н. Королькова, аккредитованного при пресс-центре учения.

В глубине обороны выброшены парашютисты. «Сюда, ребята!» — зовет своих друзей по расчету наводчик микомета В. Матвейчик.

ШЕСТИ

контратаковали из-под Дрездена, говорит Спыхальский. Чтобы сорвать их планы, на Нейсе была переброшена 1-я польская дивизия.

— Любопытно, — замечает Спыхальский, — что части, которые сейчас будут форсировать Нейсе, в 1945 году участвовали в штурме Дрездена.

Как только забрезжил рассвет, широкую долину реки Нейсе разбудили огневые взрывы. Огневую подготовку начал дивизион польского офицера Мавевского. К артиллеристам подключилась авиация. Затем наступило нанесение ракетно-ядерный удар. Высоко вверх поднялось черное грибовидное облако. Взрывающиеся обозначили границы зоны поражения.

С первыми выстрелами саперные отделения польскому сармажатов Б. Ивановичского и С. Бриляевского начали оборудовать переправу для танков. Радист Электринг Пронь по радио докладывает команданту об инженерных работах. Конечный мост был готов точчас же после ракетно-ядерного удара. По нему устремились танкисты Станислава Мадей и Владислава Нучкича. Они первыми форсировали

Нейсе и глубоко прорвались в расположение обороны.

А там готовился контрудар. По всем правилам современного боя. С надежными огневим сопровождением и авиационным прикрытием. Контрудар этот был, пожалуй, одним из самых ярких эпизодов дня. Его выполняли концы танковых войск, прибывших на маневры. Представьте на минуту два группы танков, в каждой более сотни машин. Одна группа наваливается на фланг другой и расщепляет ее. Контратакующие танки с набросанными на фланги и корму зелеными ветвями (этим они отличались от танков «противника») мечущим броневым клином выжились в боевой порядок частей наступавшей стороны. В настоящем бою это привело бы к смертельному единоборству танковых боевых машин. На учениях же высшее мастерство заключалось в том, чтобы выполнить действия, безупречно близкие к боевым, и в то же время не допустить столкновения танков. И если танкисты стремительно контратаковали, вели огонь эффективнее, значит, с секундной точностью

Рядовой Национальной народной армии ГДР наводчик противотанкового орудия Шредер Откар.

Капитан Войска Польского Р. Вожжик. Его подразделение обеспечило переправу танков через реку Нейсе.

ня, которую я услышал на балу в Хорсверда.

В душе у Павла — Ленинград, У Владимира — Целинград, Как Ярослав дубок Берлин, Так Ганса мил Берлин, По северу восток надел, У моря на виду Четыре друга боевых Идут в одном строю.

И припе в е.

Пусть, просто прима, Пусть, просто добе, Простое очень хорошо.

Всего лишь 56 минут длился налет англо-американских бомбардировщиков на Дрезден в ночь с 13 на 14 февраля 1945 года. Это был бесцельный удар по неприютному, незащищенному городу, полностью разрушивший центр. Двести тысяч убитых, а также атомный городок погиб. После освобождения города дрезденцы вывели 16 миллионов кубических метров обломков.

Дрезден — город искусства. 10 миллионов марк израсходовано правительством ГДР на восстановление знаменитого Центра — знаменитого Эрмитажа.

Дрезден — город науки. Его технический университет — самое большое учебное заведение в Центральной Европе.

Славный город Дрезден стал свидетелем военного могущества социалистического лагеря. После маневров здесь состоялся парад соединений и частей Национальной народной армии ГДР, польской, советской и чехословацкой армий.

Параду предшествовала зорь — церемония, который специально проводится в ГДР по случаю особо выдающихся событий.

Мимо центральной трибуны тверды, чуть замедленным шагом проходит почетный караул. Вонзуг, стоят солдаты с горничными фанелами в руках. Лучи фанелов прорезают тьмю, освещают караул. Перед трибуной

строй змирает. Отдается рапорт. Звучит мелодия «Я люблю мою родину». И скопа под частый бой барабана движется освещенный фанелами караул.

Зорь кончилась. А утром на площадь вступили знаменосцы дивизий — участники маневров. Идут боевые части, крепко сдружившись во время маневров.

Его движется колонна польских артиллеристов. На вооружении дивизии 122-миллиметровые гаубицы. Это орудия большой точности стрельбы. В качестве тягачей — трюковые машины высокой проходимости и грузоподъемности.

Идет пехота. Красная броневая техника и высокая проходимость советских средних танков — полностью удовлетворено требованиям современного боя, развивающегося в условиях применения ракетно-дальнобойного оружия.

Гордость чехословацкой военной техники — гусеничные бронированные транспортеры. Помимо высокой проходимости, они обладают прекрасными скоростными свойствами, в том числе и на плаву. Такие машины находят на вооружении мотоциклов подразделениях Чехословацкой народной армии. Они же служат подвижной базой средств противовоздушной обороны.

Противотанковые управляемые средства, управляемые ракетами высокой точности — надежная защита границ Германской Демократической Республики. Их появление на главной улице Дрездена, вызвавшее бурю аплодисментов, и завершило парад по случаю окончания маневров «Квар-тета».

«Квартет на Нейсе» — так назван этот рапорт. Четыре армии стран Варшавского договора встретили на этой реке нам братья по оружию, братья по классу. Символом же дружбы и глубокого уважения гражданам Дрезденского и Котбусского округов к участникам маневров стал осенний цветы, которые они дарил воен-

Знамена соединений четырех братских армий открыли парад.

действовали механики-водители, номандиры и наводчики. Что ж, это большая заслуга офицеров — участников войны, воспитавших и подготовивших виртуозных исполнителей сложного маневра: «Чудо в небе». Впервые это выражение я услышал в пресс-центре. Там говорили о действиях советских парашютистов miei коллег из Польши и Чехословакии. «О чуде в небе» писали газеты, рассказывали дикторы радио. О нем знали все Дрезденские и Котбусские округи. Потому когда позднее, во время парада на главной площади Дрездена, показались приземлившиеся самолеты с десантными парашютистами, аплодисменты заглушили звуки двигателей «малюток». Горно приветствовали дрезденцы представителю советских воздушнодесантных войск.

— Хотите быть в центре событий, спешите в ту рошцию! — посоветовали мне командующий воздушнодесантными войсками.

Вскоре над рошей появились знамена военных самолетов, которых вел Герой Советского Союза Зайцев, Небо зорьяно купола парашютов. Спустились люди, минометы, орудия, автомобили, артиллерийские самоходные установки.

Приземлились, парашютисты с жоду вступили в бой на плацдарм. А когда он был захвачен, от района приземления почмачась самоходная установка. На высокой скорости она поехала и вышле рукоюдейств. Из боевой машины высочился офицер, подошел к Главнокомандующему Объединенных вооруженных силами стран — участнику Варшавского договора и отдал рапорт. Подполковник Тюрин доложил о благополучной высадке подразделения воздушнодесантных войск и захвате указанного района в глубине обороны.

Выброска десанта продвигалась всего лишь несколько минут: полная внезапность. Какой поразительный эффект дали бы такие действия в настоящем бою!

Его почему из уст генералов и офицеров, наблюдающих этой интереснейшей этап «Квартета» слышались слова:

— Хорошо
— Гут!
— Дарбе, добей!

Высокая похвала относилась прежде всего к офицерам, солдатам и сержантам Советской Армии. Советские парашютисты блестяще выполняли массовый прыжок с большой высоты. Точно в определенные районы были

брошены на парашютах тысяча лет военной техника и вооружение. Приведе же в боевую готовность, ирылатя пахота стремительно и омыа, экрэнативно атаковала неприятельские укрепления. Слова признательности были обращения и в советским танкистам, летчикам, автоматчикам, ракетчикам. Они демонстрировали на учениях оригинальные приемы ведения современного боя, исключительное полезное взаимодействие, напор и энергию, какие выводят лишь в настоящем бою.

Организованность действий советских войск обеспечивали наши офицеры и генералы. Ночью не спали они и, склонившись над схемами и картами, изучая разведывательные и оперативные сводки, вынашивали из большого арсенала только те приемы, которые более всего соответствовали обстановке на конкретный час и день.

Как старшие братья, бывавшие во многих сражениях, командиры Советской Армии учили своих товарищей по оружию — чехословацких, польских и немецких воинов и саму учениц у них. Об этом же говорил на одной пресс-конференции генерал Гейнц Гомман. Благодарственные слова в адрес нашей армии я не раз слышал и от своих коллег журналистов, аккредитованных при своих армиях в маневрах. Что же, мы можем лишь еще раз напомнить, что здесь, под Дрезденом, представители братских армий демонстрировали совместную силу и мощь военного союза социалистических стран.

Мощные усилители специальных автомобилей оповестили население о временной задержке в ходе учений. «Сегодня в вечерние часы состоится маневренный бал» — неслось из рупоров. И дальше назывались Алле, Хорсверда, Райденборг и другие города, в которые съедутся участники «Квартета».

Энтузиастам маневров — торжественных встреч воинов братских армий с населением ГДР — выступили местные комитеты Союза свободной немецкой молодежи. Бургомистры отдали комитетам лучшие здания: дворцы культуры, танцевальные залы, театральные обшественные заведения было: на каждом балу присутствуют представители единских частей всех братских армий.

Ничего ни списывать эти балы! Было о чем говорить, о чем танцевать, как веселье, непринужденные балы. Только, помолуд, еще веселее, еще дружелюбнее.

Запомнилась тут же сложная пес-

Вот это праздник!

На вечерней зоре.

В старину у нас в Абхазии был такой обычай: после женитьбы сваха отыскивала для молодоженов рядом со своим жилищем небольшую домишку — «кажара». А если свахой было некому, то посылалось отцовский дом окружать домишками-слупками, свирепствовавшими в большой счастливой семье.

Мы вспомнили об этой, ушедшей в прошлое традиции. Она могла нам интересно и оригинально решить проект дома отдыха для молодежи: на плато, возвышающемся над Новым Афонем, прямо в лесу вырастает маленькая «кажара». Правда, внутри она будет вполне современным: элентричество и горячая вода, легкая, красивая мебель. Ну, а в роли отцовских домов будут коттеджи, в которых разместятся столовые и прочие хозяйственные помещения дома отдыха. Этот проект, разработанный при участии историков-этнографов, горячо поддержан нашим ученым советом, и скоро строители начнут претворять его в жизнь.

И говорю «мы», «наме», «наш ученый совет», подразумеваю вполне определенных людей, хотя и несколько небрежной мольбой, которую от роду всего несколько месяцев, это Научно-исследовательский институт туризма. На первый взгляд незнакомый нам институт: от дел, научных сотрудников, ученого совета, даже директоров есть. Но от всех своих близких и дальних родственников отличает нас не только «универсальностью» выполняемых работ, но и одной, весьма существенной особенностью: ни один сотрудник не получает здесь зарплату, вся работа ведется на общественных началах.

В институте сотрудничают экономисты и архитекторы, партийные, профсоюзные и комсомольские работники, врачи и ученые; в его составе ученого совета — главный секретарь Абхазского обкома партии Т. Багаба. Институт уже провел несколько экспедиций, разработал ряд проектов.

Предвину возвращаясь к ситниковым подумавшим проблемам — туризм, нашли чем заняться. Попробую ответить на это.

Каждый год в нашу страну прибывает немало туристов, чтобы хорошо отдохнуть, набраться сил, здоровья, бодрости, увидеть природное богатство — это море, климат, морское побережье, горы, и мы имеем предложить своим гостям.

Но ведь одной природой, как говорится, сыт не будешь. Люди хотят отдыхать активно, узнавать что-то новое, интересное, полезное. Люди хотят и развиваться.

Каждой организации отвечает сейчас за отдых советских людей. Но отсутствует пока научный анализ туристских возможностей курортов. Вот этим наш институт и занимается в первую очередь.

Вернемся к делу отдыха для молодоженов в Новом Афоне. Нужно было создать уют, умиротворить и согласовать проект, «набить» фондовые материалы, осознать по крайней мере. А наш молодой доктор, что можно обойтись без

нацелаярцами и почти безденег.

Молодые проектировщики во главе архитектором Зауром Аршба обложили каждую гору и разработали безразлично то ни был бы затрат план большого экскурсионно-курортного комплекса. Безаказо, что при желании даже канатную дорогу можно найти на восточных склонах Ткавчели демонстрировали у себя несколько «населений», и они сейчас лежат без дела.

Комсомол Абхазии берет шефство над будущим домом отдыха для молодоженов. Он обязательно будет построен, и скоро гдешнибуа в Москве или Томске во Дворце бронесочетания сивастийской пары вместе с свидетельством о браке вручат и путевку на свадебное путешествие и намодиче «здуниме», выходящее самое непосредственное отношение к молодежи. Мы нашли соперника, которое будет достойным конкурентом знаменитой Радце. Лето на Рыцхмуджы организационные и «дикие курортники» и туристы со всего Кавказского побережья. Ничего хорошего из этого не получается — толпы, очереди даже за стаканом лимонада.

А между тем всего в 45 километрах от Сухуми стоит в горах дивной красоты озеро Айтвел, и никто о нем ничего не знает. Будем прокладывать всего 5 километров дороги, и откроем новое «чужда в горах» социальное предприятие нашего института — начальник комитетского штаба Роберт Сарнидзе. Он руководитель туристского первого жилого комплекса на Амтлеке молденно-оздоровительного лагеря «Турнест».

Есть у нас еще один проект. Развился он по случаю удачного выступления советских олимпийцев на броне. Одним из причин нашего поражения было отсутствие хороших слаломных лыж. Мы нашли такую трассу и не «ждали от цивилизации», а поехали ридом с Гагрой. Над этим прославляем курортников нависают горы, покрытые вечными снегами. Нужно только проложить канатные дороги, круглогодичная горнолыж-

Идет заседание ученого совета.

Экспедиция Института туризма: эта бременящая еще послужит людям.

Нам база готова. Прямо с пляжа любители лыж будут уезжать в горы — такого заветнейшего сочетания нет ни в Австрии, ни в Швейцарии. Кроме того, не нужно строить лыжные базы, пансионаты, прочие помещения. Все это уже есть виллузу, в Гагре.

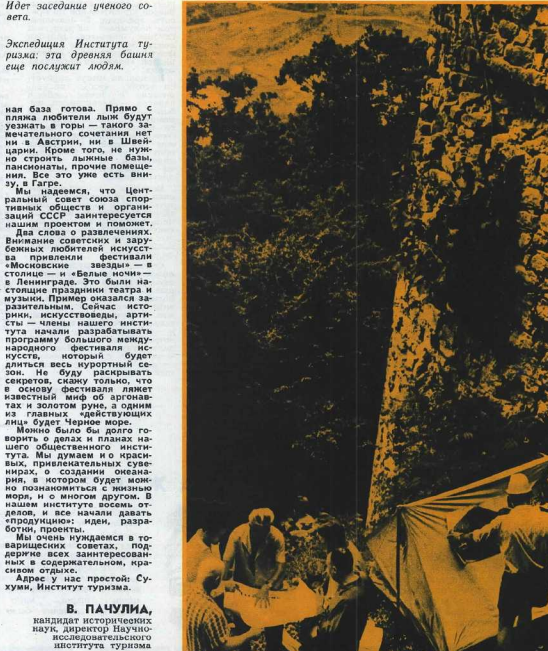
Мы надеваемся, что Центральный совет союза спортивных обществ и организаций СССР заинтересуется нашим проектом и поможет. Для союза о развлечении. Внимание советских и зарубежных любителей искусства привлечены фестивали «Московские звезды» — в столице — и «Белые ночи» в Ленинграде. Это были настоящие праздники театра и музыки. Пример оказался заразительным. Сейчас историки, искусствоведы, артисты — члены нашего института начали разрабатывать программу большого международного фестиваля искусств, который будет длиться весь курортный сезон. Не буду раскрывать секретов, скажу только, что в основу фестиваля ляжет известный миф об аргоннтах и золотом руне, а одним из главных действующих лиц будет Черное море.

Мне было бы долго говорить о делах и планах нашего общественного института. Мы думаем и исследуем, привлекаем к себе ученых, привлекательных ученых. Мы создаем олимпиады, в которых будет можно позаниматься с низинью моря, и о многом другом. В нашем институте восемь отделов, и все находят работу «продвинуто»: идеи, разработки, проекты.

Мы очень нуждаемся в товарищеских советах, поддержке всех заинтересованных в содержательном, красивом отдыхе.

Адрес у нас простой: Сухуми, Институт туризма.

В. ПАЧУЛИА,
кандидат исторических наук, директор Научно-исследовательского института туризма

ЛЕБ ПОД ЗАМОМ

Трокутые багрянцем осени перелески, испещренные под ногами убойной пшени. Знакомые, мирные варианты. Но где-то неподалеку, вдали от стесняющих военные действия против иванского врага.

Мы — директор Научно-исследовательского института зерна и продуктов его переработки Профессор Л. А. Тришталев, его заместитель — доктор технических наук С. Г. Чухаров, заведующий лабораторией физико-химического исследования А. С. Перовский и я — едем на опытно-учебную станцию с помощью автомашини ведется борьба со злейшими врагами уже собранного урожая — несоблазами, но простыми и вредными и их личинками.

До ста видов вредных насекомых вредителей, насекомых и клещей — расцвечивает профессор Тришталев — появляются почти 100 процентов мирового урожая зерна, собранного в хранилищах. Выдуматься в эту цифру. Каждый пестрый килограмм хлеба и других зерновых культур — это еще человечество безобидным на первый взгляд нашествием насекомых. Иначе бы борьба с ними была вызнужена бы истребительством массового уничтожения.

Машина останавливается перед лесом. Мы выходим. На деревьях лаюночная надплетка «Осторор» (от «осторожно») Здесь автом «учит» уничтожать вредных насекомых.

В этой новой роли автом делит только порядок. Но о это результат работы. Но о них результаты работы. Но о них результаты работы. Но о них результаты работы.

Сейчас сотрудничают установили М. Кузнецов, Л. Александров и Н. Куданов пригладают осматривать свое «хозяйство». Кто, автом, примененные в народном хозяйстве, принято называть «роботом», — говорит начальник установили Михаил Кузнецов. «Автом — это здесь все предусмотрено. Делать на споведание кобальта радиоактивного изотопа кобальта-60. Даже вода, которая сбрасывается в канализацию проходит строгую радиационную проверку.

В большой комнате — директорской — много приборов и пультов управления.

На одном из них светящимся горит изумрудные лампочки, позволяющие видеть в помещениях, куда разлетаются после членивания, струится опасная радиация.

И инженер выключает свет, и на всем помещении разливается вой сирены — установка для разрушения облученного зерна. И только после этих и других предосторожностей мир приходит в действие конвейер — морозильный дорожка с подвижными стальными ножами, вышопенный зерном. Чтобы удержать его, нужно спуститься в подвал. Один из других двигателей конвейера — это пшеница, голубо-голубого цвета. Так называют облученного зерна. Но они облучены — в них послышались личинки полтоносина. За несколько суток желтоватый червячок наивно выедает сердечку зерна.

Дальнейший путь пшеницы — в «элеваторы». Их несомненно, этих избыточных личинок, вода хлещет в бассейны. За несколько суток желтоватый червячок наивно выедает сердечку зерна.

Прошу разрешения войти в комнату, где работает Михаил Кузнецов на карьерном прибор-индикатор уровня радиационности и только после этого разрешается дотронуться к устройству.

Безоблачная комната действия напоминает как-то станцию метрополитена. Уносящегося человека в следующие казематы, а через них — в автом «учель».

Камера, где мы стоим, единственная, куда еще разрешен вход человеку. На стене переходник в зал из бетона и металла — резидентно его количество автом.

В середине зала большая, в несколько десятков кубометров, призмочувствительная — ионизирующая бациоци. Кузнецов говорит, что если встать на металлизированную полосу, облученную гамма-селем, и заглянуть вниз, можно увидеть на дне пшеницы и другие продукты членивания радиоактивного излучения. Увидеть и отсканировать призмочувствительную, призрачную полосу, радиационность на дне бассейна, не вижу.

Видеть можно и не увидит, — отмечает начальник участка.

новин, — идет обучение зерно, источник закрыт пшеницы.

«Вражда» и есть эта плита для бассейна. Восток 29 тонн. Столько нужно металла, чтобы «поглотить» обезвредить гамма-лучи! А чтобы произвести осмотр «квашеный» автом для зернозидит кобальтовые стержни, надо все бассейны заполнить водой. После этого многотонная металлическая громада опустится с помощью специальных механизмов, смонтированных на железнодорожных поездах, и открывает стальную пещору.

Внутри пещора — прохладит транспортер с зерном, а по бокам размещены створки с радиоактивным кобальтом.

Вот и сейчас, после предупредительного рева сирены, вода хлещет в бассейн. Вот он уже заполнен. «Врашка» отъезжает в сторону, и перед нами открывается умиротворенно не красоте здания. В элеваторе тон полуметра на большой трубе — это свечение — эффект Черенкова — своеобразный «аналитический» автом.

Несколько минут требуется автом, чтобы «приспосаблился» к работе с запасом — насекомыми, выварными вредителями. Мы становимся свидетелями этого, когда лаборант Галина Николаевна — свободная — начинает перебирать облученное зерно. На зернах видны черные червячки — поглотители личинки долгоносика.

Большая исследовательская работа ведется в институте зерна и на опытной дачной установке. Конечная цель опытов ученых — выявить оптимальные условия, при которых гибнут хлебные вредители и не повреждаются само зерно.

Сейчас еще трудно предположить, как будут выглядеть будущие радиоактивные установки. Возможно, они появятся в виде передвижных автоматов, которые, стационарные гамма-излучатели итнущиеся, смогут членивать и облучать зерно. Все это пока еще в будущем. Сейчас же одно ясно: у хлеба появились еще один могущественный защитник.

Н. ТЕПЕРИН

ПОДАРОК МАРШАЛА ТУХАЧЕВСКОГО

Знаменитый итальянский скрипичный мастер Антонио Страдивари проиграл. По итогам второго Всесоюзного конкурса Скрипичных мастеров имени П. И. Чайковского его инструмент, взятый в качестве залога, занял только седьмое место. Членом жюри — выдающимся музыковедом и исполнителем — нельзя было обвинить в отсутствии объективности. Все шестьдесят семь скрипок, участвовавших в конкурсе наравне с инструментом Страдивари, звучали за ширмой. Лучшей оказалась скрипка старшего мастера Большого театра СССР Георгия Алексеевича Морозова.

Вторую премию завоевал Николай Михайлович Фролов, постоянный конкурент Морозова, с которым его связывает сорокадвулетняя дружба. Отвечая на поздравления, Георгий Алексеевич сказал:

«Успех во многом зависел от качества дерева. Спасибо Михаилу Николаевичу Тухачевскому: наши скрипки сделаны из подаренного им материала. Многие скрипичные мастера старшего поколения хорошо знают, что маршал П. И. Тухачевский любил музыку, отличался прекрасным вкусом и в свободное время сам делал инструменты. Его связывала дружба с создателем и научным хранителем Государственной коллекции редких смычковых инструментов Евгением Францевичем Витаченом. Е. Ф. Витачин хорошо знает о затрунивших скрипичных мастерах, испытывавших недостаток в дереве, из которого изготовлялись верхние и нижние деки. Запасы выработанной или илени, заготовленной в последние годы революции, подошли к концу.

Однажды — это было в 1933 году — Морозов, Фролов и Витачин поехали к маршалу в шарашку Тухачевского.

— Постарайся член-иудей помочь вам и вашим коллегам, — побуждал Михаил Николаевич, размышляя в замечательные музыкальные инструменты, размышляя в замечательные музыкальные инструменты, размышляя в замечательные музыкальные инструменты.

Скрипка, альт и виолончель Морозова, например, сейчас хранятся в Государственной коллекции. А квартет И. М. Фролова был отнесен в дипломом на конкурс в Познань. Сейчас еще друзья создают и дипломом на конкурс в Познань. Сейчас еще друзья создают и дипломом на конкурс в Познань.

А. ПЕРЕХОДИН

На с ним: Г. А. Морозов (слева) и Н. М. Фролов осматривают альт из дерева, подаренного маршалом П. И. Тухачевским. Фото А. КАНАШЕВИЧА

П Р И С У Ш А Й

ЭЛЕКТРОМОРСАЖ-НЕРОНУ

Электричество в медицине нашло применение уже давно. В древнеримских архивах обнаружены записи, свидетельствующие о том, что уже в античные времена Нерона делал ему электрический массаж, а также устраивал электрические ванны, борясь с ревматизмом. Даже в это время, используя деревянные кадки, пускали рыб, наделенных от природы электро-

зарядом для защиты от врагов, и Нерон в течение преиспанского времени применял такую ванну. Для врача была неслучайна. Благодаря такому диспетчу, как Нерон, но как скоро ни один из леопонцев Древнего Рима нишего не использовать в своих произведениях от природы, но как скоро ни один из леопонцев Древнего Рима нишего не использовать в своих произведениях от природы, но как скоро ни один из леопонцев Древнего Рима нишего не использовать в своих произведениях от природы.

Владимир Густавович Протасов — главный «слушак», янт в штучку называют его коллеги в Институте морфологии животных, изучает тончайшие звуки, которые слышит боковая линия рыб. «Слушак» — профессия древняя. В Африке известны знаменитые звероуловы, которые подслушивают «рагворов» раб. Они хорошо знают боковую линию обитателей вод. Работы любят «говорить», и инвизорный раб не заставит их замолчать. Воды, которые слышит боковая линия рыб. «Слушак» — профессия древняя. В Африке известны знаменитые звероуловы, которые подслушивают «рагворов» раб. Они хорошо знают боковую линию обитателей вод. Работы любят «говорить», и инвизорный раб не заставит их замолчать. Воды, которые слышит боковая линия рыб.

Где начинается монорельсовая...

Монорельсовая дорога... Мы уже знаем со времени она станет для москвичей таким же обычным видом транспорта, как метро или трамвай. Это — дело недалекого будущего. А в прошлом? Были ли попытки создать такую дорогу?

— По междоузельной ветви Петербурга — Детское Село — Гатчина дались странный состав. Страничные были не сами вагоны, которые мало чем отличались от железнодорожных. Необходимы были другие — состав дашага по одному рельсу. Огромные, в триста пудов волчки, установленные в камере вагона, непрерывным вращением поддерживали равновесие поезда при движении. Так впервые в нашей стране на междоузельном транспорте был применен гироскоп. Автором проекта был известный русский изобретатель П. В. Шилловский. Лишь с приходом Советской власти ему удалось наконец осуществить свое изобретение. В тяжелые годы гражданской войны, 7 сентября 1921 года В. И. Ленин подписал постановление Совета Труда и Обороны о строительстве «Опытной однорельсовой дороги». Первая такая дорога протяженностью в 45 километров и была сооружена в пригороде Петербурга.

Однако этот проект наряду со многими положительными качествами имел и свой недостаток. Эксплуатационникам закономерно встала проблема: как повести себя вагоны в стационарном положении, при длительном

остановке? Если остановить волчки, нарушится одно из главных условий — устойчивость вагонов.

Поиски продолжались. — Вспомнил. Он несется по ровной дороге, плавно наклоняясь на поворотах и сохраняя устойчивость. Ну а во время остановки? Машина валится назад. Центр тяжести находится выше точек опоры, равновесие возможно только в движении. А что если взять вместо колес... шарики?

Так был найден путь к решению проблемы. Инициатором задумал Николай Григорьевич Ярыловский 21 апреля 1931 года. Шло заседание Совета Труда и Обороны. За столом покрытым зеленым сукном, товарищи Орджоникидзе, Кудрявцев и другие видные деятели партии и правительства.

Во время доклада иена было как в жароде, вспоминает Н. Г. Ярыловский. — Совет Труда и Обороны принял решение о строительстве новой дороги.

— Подорожная станция Северинин. За невысоким забором, окружившим большую участок земли, — бесконечный деревянный мелоч, скрывающийся вдали, за деревьями. Над ним — низко подвешенная густая сеть проводов. По мелочу стремительно проносится гигантский сарбритная сигара. Не слышно характерного писку колес, тяжелого движения паровоза.

В 1932 году сотни людей увидели первый в мире езд, у которого колеса были

заменены шароками (усеченными с двух сторон шаром).

Мало кто из непосвященных обратил тогда внимание на невысокого, сутулющего пареня, стоявшего с секундомером в руках. Сирочно, чинного свистачка, молодой изобретатель Николай Ярыловский дал посвящения членам специальной комиссии, журналистам.

— Скорость, модели — севдасят километров в час — не предел. В нормальных условиях испытательный поезд будет двигаться быстрее. Имено ли поробовать? Конечно! Яна журналиста вместе с изобретателем занимают места. Поворот рычага, и стальная стрела метется по замкнутому трахилометровой колее. В окнах мелькают телеграфные столбы. Легко, чуть заметные. Никогда толчком.

— Изобретение т. Ярыловского — писал в то время в своем определении Экспертный совет под председательством академика Чапыгина, — заключается в себе принципиально новую и интересную идею, в результате разработки которой возможно ожидать разрешения вопроса о сверхскоростном движении, имеющем антуальное значение для всего нашего Союза.

Так опытные вагончики на подмосковной станции Северинин открывали новую страницу в истории развития отечественного скоростного транспорта.

В. ЖИГН

ИСКУССТВЕННАЯ КОШКА

В Японии мало кошек, но предостаточно мышей. Недавно они чуть не вывели крушение железнодорожного поезда: являя да и перерывали в голову кабеля сигнализации. И от японские предприниматели выступили на рынок электрическую кошку. Правда, она не ловит, а только пугает мышей: будучи включена в элекстрет, электрическая кошка издает звонкое «мяу», ничем не отличающееся от подобного же междометия ее живой сестры.

ДОМА ИЗ СОЛИ

Такие дома, стены и крыши которых сделаны целиком из соли, составляют село Тезака, расположенное в пустыне Сахаре (близ богатейшего месторождения соли). Это одно из самых засушливых на земле мест. Осадки здесь почти не бывают, и домам из соли не грозит опасность раяться.

СЛОН ПИТАЕТСЯ...

ТРАНЗИСТОРАМИ

Этот слон живет в зоопарке г. Монтевидео. Однажды ночью сторож, убоавший его клетку, услышал какие-то странные звуки: шепот, невнятное бормотание, музыку, причем они явно исходили из броха спящего животного. Он подумал, что со мной не все ясно, — рассказала впоследствии стороже, — но утром, увидев, как слон извлек транзисторный приемник из кармана человека, стоявшего возле клетки с обезьянами, и отпирала его прямо в рот, все поняла. Авторитетная комиссия, посланная прослушать необыкновенный концерт, пришла к выводу, что в брохе слона действительно изредка начинает шепот транзисторный приемник. Сколько их проглотил слон, выясните пока не удалось.

А. ГРИБАНОВ

Т Е С Ь : Г О В О Р Я Т Р Ы Б Ы

ученым. Они пытаются «прочитать» звук, посланный рыбой в пространство.

Владимир Рутковский получил «интервью» уже у многих «подводных немых». У его мирофана любознательный судак, японской рыбы, морской ланка, сахалинский поднахвостик. Но поиски продолжаются. Все новые и новые записи появляются в необычайной фототеке ученого. Недавно он закончил опыты с эловоным бычком-крутилом.

В период нереста бычок-самец настроен очень воинственно, он атакует всякого, кто приближается к нему — краба, судана, даже аквариалиста. При этом бычок издает хриплый отрывистый звук, похожий на рычание.

Ученые слушают «разговоры» рыб и открыли науке многие тайны нереста, развития, переломления рыб. И, конечно, упростили промысловый лов.

К О С О В Ы И В Р Е М Е Н И К О Т К О О Б И Ч Н Е Р Е С Н О М

Р. ДАНЕЛЯН

Фото В. ТЮККЕЛЯ

На страже правил строем и бдительные судьи.

СОЮЗ МЯЧО И МОТОРОО

Наверное, было бы не привычно и даже смешно, если бы вдруг издали прозвучало: «Играйте в футбол». Но ввиду большой цветной плакат с энергичным призывом: «Играйте в мотобол». И это не удивительно, потому что «моторизованный футбол» у нас только-только приобретает популярность.

Вообразите на минуту, что ваши футбольные кумиры, скажем, Метсвелли или Иванов, вышли на футбольное поле на мотоциклах. Они не бегают, а сопровождаемые ревом моторов, мчатся на быстрых машинах и штрафной площадке и, не сходя с мотоцикла, производят удар. Гол!

Теперь представьте, что на поле — все игроки на «стальных конях». Представьте! Значит, могу уверить вас: суть мотобола вы уже поняли.

Что нужно для игры? Обычное футбольное поле, размер ворот соответствует футбольным. Мяч побольше, чем тот, с которым с детства привык глаз.

Игроки выступают на «Новорочек-175», на которых, однако, не установлены приборы освещения и сигнализации, челки передних вилки.

Команда состоит из пяти «моторизованных футболистов» — трех нападающих, одного защитника и вратаря. В арифметической формуле, принятой в футболе, это выглядело бы так: 3-1-1-1. Заметьте, явные атакующие тенденции, прямо на зависть футбольным болельщикам!

В финальной пушке всеобщих соревнований, которые в нынешнем году проводились впервые и закончились недавно, в трех матчах команда города Элисты забила шесть голов, набра-

да пять очков, первой в истории мотобола завоевала заливные лодки-победительницы. На одно очко отстали мотоболлисты Казахстана — прошлогодние обладатели кубка журнала «За рулем».

Матч на кубок были первыми состязаниями в союзном масштабе. И с этого, можно сказать, началась вторая жизнь этой увлекательной игры ее повсеместное признание.

Если в прошлом году в матчах на кубок выступили 9 команд, то уже в этом году только в состязаниях на первенство Российской Федерации участвовали 18 коллективов.

Но довольно цифр. Сейчас уже мим и истор повзрели настолько прочно, что «чуждым» планам остаются вопросы тактики, физической подготовки спортсменов.

Вероятно, даже неискушенному человеку ясно, что это чрезвычайно сложно — сочетать мастерство первоклассного мотогонщика с техничным умением футболиста. Но это необходимо, в этом вся прелесть игры в мотобол, ибо иначе он бы превратился в хаотическое соревнование по принципу, что быстрее прокатит и мячу.

Мотоболлисты Энгисты, Алма-Аты, Новосибирска и других городов демонстрируют хорошую технику владения мячом и мотоциклом. Финты, обводки, длинные и короткие передачи, четкий, продуманный розыгрыш мяча, эффектные удары по воротам, стремительные броски вратаря (кстати, он не имеет права, отражая мяч, отрываться от мотоцикла) и, наконец, нав моторов — все это и создает неповторимую картину динамичной спортивной борьбы.

Острые ситуации то и дело возникают во время игры.

Вселенная, отраженная в капле воды

В старинной Флоренции, в городе, где некогда расцвел могучий гений Галилео Галилея, ныне живет и работает профессор Флорентийского университета, директор Физико-химического института Джиорджио Пиккарди. Летом 1964 года профессор Пиккарди, участник международного симпозиума, гости в Ленинграде и на совещании в Пулковской обсерватории сделал сообщение о своих работах.

Чем же заинтересовал итальянский химик астрономов и астрофизиков?

Гость рассказывал о простой воде — H_2O , изучению которой он посвятил более тридцати лет жизни, о том, как изучение этой обыкновенной жидкости раскрыло удивительные факты, далеко выходящие за рамки химии.

Весь мир в течение недавно прошедшего Международного геофизического года буквально превратился в одну химическую лабораторию. Ученые разных национальностей по инициативе профессора Пиккарди на разных меридианах и параллелях оедеднано в один и те же часы ставили одни и те же опыты: следили за реакцией осаждения, протекающей в неорганическом коллоидном растворе оксидов железа висмута в воде.

Изо дня в день люди с непонятным упорством тысячи раз повторяли в разных точках планеты одну и ту же простую химическую реакцию. Зачем? Решение каких проблем силится отыскать наука на дне стеклянных пробирок?

Для начала — несложный опыт.

В двух пробирках одновременно смешивают с водой одинаковое количество веществ, которое медленно оседает на дно. Осадок может опускаться быстрее в правой или, напротив, в левой пробирке, хотя условия опыты тождественны. Сколько бы вы ни поворачивали эксперимент, чашки, отклоненной в ту и другую сторону остается примерно одинаковым. Так и должно быть — это случайность, не более.

Но вот на одну из пробирок надели металлический колпак. Картина сразу меняется. Теперь уже примерно в семидесяти случаях из ста скорость осаждения окажется большей в закрытой пробирке. Следовательно, мы имеем неоспоримое доказательство того, что случайность уступает место закономерности.

Значит, металлический экран изолирует содержимое второй пробирки от каких-то воздействий. Температура, свет, давление, влажность остаются неизменными. От каких же воздействий предохраняет металлический колпак?

Хорошо известно, что металл экранирует электромагнитные волны. В таком случае, может быть, скорость реакции осаждения зависит от напряженности окружающего магнитного поля?

Но состояние магнитного поля Земли, в свою очередь, зависит от космических условий, в частности от активности ближайшей к нам звезды — Солнца.

Сравнивая данные химических опытов с наблюдениями астрофизиков и астрономов за продолжительный период времени, можно, следовательно, выяснить, как ощущается на Земле всепроникающее дыхание космоса.

Чтобы подобрать к выводам подобного рода, профессору Пиккарди понадобились десятки лет.

Сперва ему пришлось разобраться во многих сложных свойствах «простой» воды — этой всезвездной жидкости.

Когда он в 1935 году, будучи совсем еще молодым, только лишь начинал изучать реакции осаждения, существовавшие ранее теории воды явно претерпевали кризис. Они не могли объяснить аномальной странностей в ее поведении. Именно в те годы Д. Берман и Р. Фаулер, имена которых сейчас знает весь мир, пытались все же дать такое объяснение. Они высказали предположение, что вода обладает пространственной структурой, похожей на кристаллическую. Геометрия воды? Тогда это показалось нелепым. Но для Пиккарди гипотеза двух физиков была истинной находкой. Расчеты в конце концов подтвердили остроумную догадку. Молекулы воды, как сейчас установлено, вовсе не разбросаны в хаотическом беспорядке, а организованы в систему. Каждая из молекул соединена с четырьмя другими эластичными водородными связями, способными, подобно резине, растягиваться под влиянием даже незначительных воздействий, например, слабых электромагнитных полей. Эта теория объясняла тот странный факт, что осаждение

звешенных частиц в воде, предвращали обр-азованной магнитной полем, активированной ии, протекать с другой скоростью, чем в об-ычной.

Активированная вода отличалась, как следовало из взглядов Барнада и Шаура, от любой другой примерно так, как магнитное железо от немагнитического: химически вещество оставалось тем же, но во взаимоотношении молекула происходила какой-то существенные перемены.

Сомневаться в очевидном — замечательная способность. Сколько великих открытий она породила!

Действительно, никто прежде не подвергал сомнению, что один и тот же химический опыт в одинаковых исходных условиях в любую время дает один и тот же постоянный результат — константу. А вот профессор Пикарди усомнился. Впрочем, располагая к тому достаточными основаниями.

Бурно развивавшаяся в последние десятилетия физика, астрофизика, геофизика, радиостроения сорвали покрывало таинственности с космического пространства, раскрыли в нем множество неизвестных ранее явлений, показали, насколько оно богато материей и энергией.

Какой детиски наивный выглядит сейчас уверенность живших до нас людей в том, что Земля — центр мироздания! Современный человек гораздо трезвее и скромнее оценивает положение своей планеты во Вселенной. В нашем сознании Земля скорее всего походит на огромный космический корабль, который блуждает миллиарды лет в безбрежном межзвездном пространстве.

«Чтобы назваться в космосе, — шутливо заметил как профессор Пикарди, — вовсе не обязательно лететь в межпланетное путешествие. Даже выходя из собственного дома нет необходимости. Космос окружает нас повсюду.»

Мы, люди — животные Земли, космического корабля — не только выбираем пути для него, предвстречать тапящиеся вперед объекты, обойти «риффы и мели», помешать возникновению магнитных бурь, появлению пятен и вспышек на Солнце, воспрепятствовать электромагнитным волнам пронизывать наши города, дома, наконец, наши тела.

Мировое пространство подвержено действию непрерывных изменений, и все сущее на Земле подчиняется этим колебаниям, хотя их воздействие значительно смягчает надежная обшивка нашего космического корабля — атмосфера.

Подчиняясь, видимо, действию этих изменений и прочие химические реакции.

Теперь становится понятным, что в лаборатории самый деточный экспериментатор в самых строгих условиях опыта волон контролировать лишь только внешние условия: температуру, освещение, давление...

Все условия опыта контролируются невозможным. «так почему же, — не раз спрашивал себя Пикарди — химик, зная, что один и тот же опыт никогда не дает при повторных испытаниях того же результат даже в совершенно одинаковых условиях, винили в своих ошибках один лишь случай случай! Кто скрывается под эти неизвестные условия? Кто доказал, что одна и та же реакция, если она достаточно чувствительна, как, например, реакция осаждения с активированной воды, обязана давать постоянный результат — константу? А что, если рассмотреть и проанализировать как общечеловеческие, как совершенно правительственные, закономерные отклонения в результатах одной и той же реакции, которая протекала в «одинаковых лабораторных условиях, но в разное время?»

Чем сосредоточенней он размышлял, тем больше удивлялся прежней своей слепоте. И не только своей. Пикарди буквально страдал от мысли, что поколения исследователей уничтожили злы, что фонды науки — итоги ценнейшего экспериментального труда, только лишь потому, что полученные ими числа не сошлись с ранее установленными константами.

Никто из них не заметил, не вспомнил, не подумал, что опыты ставились в разное время. Время, время, время! Ни один химик не представлял дату: год, месяц, число, как над столбцами формул и цифр. Ведь один час не похот на другой, как не похоти линия прохожих, деревьев, узор на коже пальца... Свойства пространства беспрестанно изменяются и как условия, так и условия влияют на чувствительные к физическим воздействиям реакции.

Пикарди перебирал коллоиды придирчиво и тщательно, как золотосекатель, выискивая среди множества реакций ту, которая сумела бы тоньше других отвечать на все изменения среды. Он решил приготовить своеобразный флюид для «космического ветра» — химический тест. Тест должен быть не только чувствительным, но и простым, не требующим сложного оборудования, дорогих реактивов.

Так во Флоренции без особого шума повилась на свет новая наука — космическая химия. Тринадцатый лет назад начался уникальный эксперимент. Ежедневно в час назначенный во Флоренции ставится одна и та же химическая реакция осаждения. И вот уже десятки лет она дает разные результаты. Уже говорилось, что в течение Международного геофизического года в работу начата флорентийская исследовательская группа химии всего мира. Тесты работали во всех частях Земли. И во всех точках земного шара, словно говоривших, они давали схожие показания. Графики отклонений походили друг на друга, как братья. «Химический флюид», где бы он ни находился, безошибочно определял космическую погоду, регистрировал бушевавшие в околоземном пространстве магнитные бури, чутко откликался на солнечные вспышки. Забывшие волон при гризнових совладать не только между собой, но и с кривой солнечной активности.

«Прогрессивная стена лабораторий, солнечный луч ускоряет и замедляет танец молекулы, заставляя их кружиться то быстрее, то медленнее в вечном кругообороте веществ» — так характеризовал Пикарди единство мира от молекулы до звезд.

В исследованном флорентийца с интересом следили не только химики, но и биологи. «Химические тесты» имели и ним своеобразные отклонения.

Вода — кровь нашей планеты, сок жизни. В древнем ояване, то есть в водном растворе, когда-то зародилась жизнь. И до сего дня вода остается той средой, в которой непосредственно протекают все жизненные процессы.

Каждый из нас, если задуматься, — островок суши в море: наше тело состоит из семидесяти одного процента воды. Поэтому раскрытие происходящих в воде процессов означает постижение нового закона биологии. Естественно, образно говоря, настолько пропитано водой, что ее прозвали «жидкой наукой».

«Своей задачей», — Л. Чижевский жил в 20-х годах опубликовал многочисленные доказательства связи солнечной активности и биологических процессов. Его работы показали, что ход эволюции в прежние времена, жизнедеятельность бактерий, воздушности нервной системы, частота

ва внезапных смертей и многие другие явления в живом мире — связаны с активностью Солнца. Работы А. Л. Чижевского положили начало новому научному направлению — гелиобиологии (ветви космической биологии).

Наско сказать, что идея о связи солнечных и земных процессов биологии с солнечными была встречена, мажко говоря, «неблагоприятно». (Солнечные пятна и грипп! Помилуйте, это по меньшей мере ненаучно...)

Ни у кого не возводило сомнения, что Солнце породило жизнь на Земле. Но очевидная, казалось, мысль, что оно продолжает постоянно вмешиваться в дело рожков жизни, в эту самую жизнь, почему-то с трудом заволакувала умы.

Пикарди был специалистом гелиобиологии так же внимательно, как биологи за показанными химическими тестами. «Исходная водная стихия. «Задолго до меня», — говорил он в Пулкове, — англофильным выводом пришли франц. русские ученые Чижковский, Энгельс, Шуцц, Шербинский и другие».

Он не сомневался, что биологи правы в своих догадках. Больше того, он считал, что биологические отклонения — проявления общей физической зависимости Солнце—Земля.

Показаны «химических тестов» давали новую подтверждение и объяснение (частичное, разумеется) наблюдаемым явлениям: солнечные феномены, конечно, действуют не на какой-то один коллоид, не на какое-то одно заболевание, не на отдельного человека... Они влияют на все происходящее на планете, а тесты выявляют симптомы происходящих изменений.

Пустели бы, точно анимоза, коллоиды не только регистрируют появление вспышек и пятен на Солнце: эти грубые удары отразились на планете, а тесты выявляют и другие явления, что они способны «уловить» и какие-то другие космические явления.

В тестах, как в дневнике мореплавателя, фиксируются незамедлительно перелетчики солнечности, подтверждающие в нашей планете неожиданности, подтверждающие в нашей планете неожиданности.

О чем же рассказывают записи в этом «судовом журнале», как сформулировать «водные знаки», познать язык молекулы!

Из размышлений, сравнений, вычислений у Пикарди рождалась гипотеза столь фантастическая, что он решился поделиться ею на первых порах не только с коллегами, но и с недоброжелательными поистине безстрашным воображением: он рассказал о ней в Пулкове. Земля, как известно, вращается вокруг Солнца со средней скоростью 30 километров в секунду. Солнце вместе с ней движется к созвездию Геркулеса со скоростью 20 километров в секунду.

Комбинация этих движений определяет траекторию нашего «космического корабля»: деформируемую спиралью, вращающуюся вокруг Солнца. Относительная скорость движения Земли вокруг Солнца то складывается со скоростью движения Солнца, то вычитается. Таким образом, скорость движения Земли варьирует в значительном диапазоне от максимума в марте (45 км в секунду) к минимуму в сентябре (24 км в секунду).

Если в нашем Млечном Пути существуют сплюснутые поля, то, по-видимому, существуют, то Земля, перемещаясь, пересекает их по-разному. По-видимому, эффекты от воздействия эти сил будут неодинаковыми во времени. А может быть, их удастся предсказать!

Сравнительная физическая теория пространства и времени не отрицает (хотя прямо и не утверждает) такой возможности. Ну, а «химические тесты»!

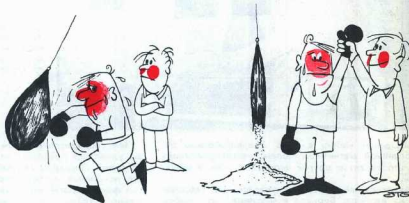
Сравнительно подтверждает галактическую гипотезу профессора Пикарди.

Более 300 тысяч опытов, поставленных в течение тридцати лет по всему земному шару, показывают, что ход реакций не только подчинен солнечному ритму, но также следует циклонической зависимости от времени в соответствии с характером движения Земли в космическом пространстве.

Подтверждая нас в дальнейшем галактическая гипотеза итальянского химика! На этот вопрос можно ответить словами крупнейшего современного физиолога Салье: «Справедливы гипотезы ни лет, они всегда определяли направление научных поисков».

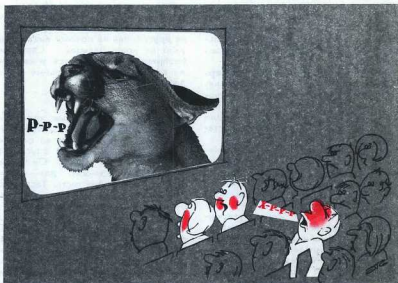
БЕЗ СЛОВ

БЕЗ СЛОВ

БЕЗ СЛОВ

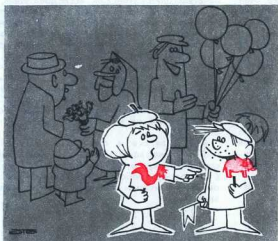

— СЛЫШИШЬ, КАКОЕ СТЕРЕОФФЕТИ

ШТРАФНИК

Рисунок Г. КОРОВИНА

— ОБЖОРА!

Рисунки О. ТЕСЛЕРА

Первая страница обложки: Седьмое мая — это. Фотоочерк «Великолепные метры» о строительстве моста через Северную Двину читайте и смотрите на страницах 4-7 «Смеяль».

Фото В. МИШИНА

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-47, Бумажный проезд, 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок — Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — В 8-61-83; отдел рекламы и публикации — Д 3-31-03; междугородной связи — Д 3-31-50; фидуциария и спорта — 3-30-87; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 3-31-66; информации — Д 3-31-69; оформления — Д 3-31-31.

Главный редактор В. И. Самохин.

Редколлегия: К. И. Андреев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замоскин, Е. М. Иванов (заместитель главного редактора), Р. Ф. Назарова, Б. П. Краевский (ответственный секретарь), А. С. Кукин, Е. М. Рыбчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стунов.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Соколова.

Технический редактор Н. Вудкина.

А 00503. Подписано и печати 2/ХІ 1964 г.
Тираж 1200000 экз. Изд. № 1931.
Заказ № 2858. Формат бумаги 70 × 108½.
2 бум. л.—5,48 печ. л.

Орден Ленина — типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ЛЕСИЯ

Слова **М. ШАФЕРАНА**
и **М. ВЛАДИМОВА**

Музыка **А. АБРАМОВА**

Ты ушел с космической ракетой
Далеко за звездный оном,
Космонавт, я здесь, твоя планета —
я — Земля,
Я слушаю,
Прием.

Взял ты в путь любовь мою большую,
Ты вдали, но в сердце ты моем,
За тобой зловольново слему я —
я — Земля,
Я слушаю,
Прием.

Пусть темна космическая полночь,
Метеоры падают дождем,
Я всегда приду к тебе на помощь —
я — Земля,
Я слушаю,
Прием.

Звездный мир отныне в нашей власти,
Белых пятен не остави в нем,
Ты летящий, а я кружусь от счастья —
я — Земля,
Я слушаю,
Прием.

Умеренно. Напевно

Ты ушел с космической ра-ке-той да де-
ко за звездный око-ем. Кос-мо-навт, я здесь, тво-
я пла-не-та-я-земля. Я слу-ша-ю, при-ем.
Кос-мо- навт, я здесь, тво- я пла-не-та; я Зем-
ля. Я слушаю, при-ем.
-С.М.

КРОССВОРД

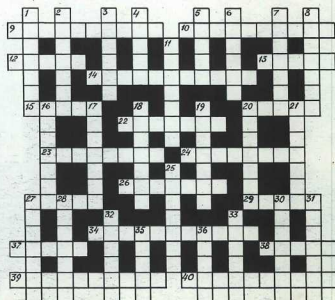
Составил **В. МЕЖУЕВ**,
Магаданская область

По вертикали:

1. Остров в Балтийском море. 2. Один из героев романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». 3. Долья рыбы. 4. Рудник. 5. Светильник. 6. Злаковое растение. 7. Действующая лица в драме М. Ю. Лермонтова «Маскарад». 8. Город на севере Италии. 9. Зональное созвездие. 16. Литературный жанр, в котором участвовал А. С. Пушкин. 17. Чешский композитор. 18. Описанный темп в музыкальном произведении. 19. Регулярно устраиваемые торги. 20. Руководитель выполнения работ в Древнем Риме. 21. Песня В. Мурадели. 22. Рабочий-строитель. 27. Город, где проходила IX зимняя Олимпиада. 28. Советский поэт, лауреат междоудной Ленинской премии. 30. Река в Латвии. 31. Часть города, ограниченная несколькими улицами. 32. Часть театальной драмы. 33. Древнеримский поэт-сатирик. 35. Птица, гнездящаяся на болотах и лугах. 36. Сани для езды на оленях и собаках.

По горизонтали:

9. Советская научная станция в Антарктиде. 10. Город в Крыму. 12. Травинок спорное растение. 13. Сорт яблок. 14. Валет С. Васильева. 15. Французский художник, автор картин «Зеленища». 20. Приют Терена. 22. Основная часть математики. 23. Кривая жителя страны. 24. Картина Т. Шаевича. 26. Город на Украине. 27. Начало реки. 29. Болотная птица. 34. Народная артистка СССР. 37. Краткое изображение, каково-либо сообщение. 38. Русский композитор. 40. Самолет для полетов в верхних слоях атмосферы.

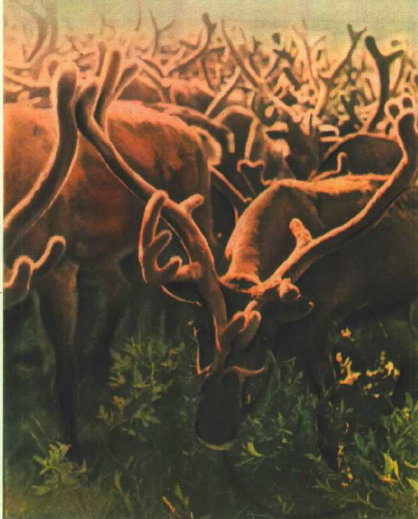
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ в № 21

По горизонтали:

7. Спидра. 8. Ошанин. 11. Вухарест. 12. Турбоуор. 16. Пасад. 17. «Риголетто». 18. Чехов. 21. Прилеви. 24. Петарда. 25. Воронек. 26. Пари. 27. Ган. 28. Тригонметрик. 29. Омск. 32. Полк. 34. «Селькор». 35. Индици. 36. Метрива. 39. Татуу. 40. Приванение. 41. «Рубин». 44. «Вородин». 46. Виноград. 47. Ангара. 48. Таттал.

По вертикали:

1. Мимас. 2. Нигерия. 3. «Марс». 4. Корт. 5. Заграза. 6. Пилот. 9. Муромца. 10. Вухарест. 13. Борина. 14. Хлебобулесиво. 15. Кордон. 19. Вечеринки. 20. Непринен. 22. «Солвейв». 23. Черном. 30. Молта. 31. Кланстер. 32. Португал. 33. Лекция. 37. Эрмитаж. 38. Пьянино. 42. Домна. 43. Ягуар. 45. Оман. 46. Вето.

Причудливыми зарослями поднимается над стоящим лес оленьих рогов.

оюруга насчитывается сейчас вместе с молодым более 200 тысяч оленей. Оюруг стоит на первом месте среди областей и краев страны, занимающихся оленеводством. Ненцы-олeneводы решили увеличить поголовье на 60—70 тысяч — это одна из главных их забот.

Не меньше волнует каждого тундровика переход с кочевого на оседлый образ жизни. От Камина до ледяного Пай-Хоя, на просторах Большеземельской, Малоземельской, Тиманской и Ижменской тундр со сказочной быстротой растут дома, поднимаются новые населенные пункты, еще не нанесенные на карты. Это Красное, Харута, Выучейское, Каратаина, Хонгурин — оседлые базы оленеводческих колхозов. Их десятки.

Уже четвертый год идет на Печорском Севере эта большая и важная работа. Сделано много. Построены домостроительный и мебельный цехи на лесозаводе № 21, свыше 800 жилых домов в колхозах и совхозах, много клубов, школ, медицинских пунктов.

...На тундру настороженно смотрит бел-желтое пятно солнца, выглядывающего совинными глазами из за спускающихся облаков. Сотни лет видело оно одну и ту же картину: море белого безмолвия и затерявшийся в нем редкие чумы... Сейчас полдень допевают свою последнюю песню. Зарастает травой и мушкетером старье чумовища, переходные дороги (вогги) — веновые пути кочевников. Недалеко время, когда на повозке пастухам придут заросши ветеходы и вертолеты. Тундра мигает по-новому.

Со свистом разматывается в воздухе лasso, брошенное ловкой рукой пастуха, и...

...молодой олень пойман. Теперь ему предстоит потрудиться в упряжке.

В. ЛЕДКОВ

Фото В. МИШИНА

Тундра. Простор необыкновенный. Здесь никогда не тесно глазами.

Люди... У каждого свои заботы, свои дела. Рыбачи уходят на путину добывать норковую лисицу — семгу, Оленеводы... Чем заняты сегодня хозяева тундровых просторов — оленеводы?

На обширных пастбищах Ненецкого национального

